В. Е. ШУТОЙ

КАНУН ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ УКРАИНСКОГО НАРОДА 1648—1654 гг.

Крестьянско-казацкое восстание на Украине 1637—1638 гг.

I

Освободительная война украинского народа 1648—1654 гг. против иноземных поработителей, за воссоединение с братским русским народом в едином Российском государстве была подготовлена всей предшествующей героической борьбой украинского народа против польского шляхетского гнета, широкими крестьянско-казацкими восстаниями конца XVI в. и первой половины XVII в. Наиболее крупным из них и вместе с тем замечательным предвестником освободительной войны 1648—1654 гг., завершившейся славной Переяславской радой 1654 г., было крестьянско-казацкое восстание 1637—1638 гг.

Несмотря на огромное значение этого восстания, являющегося крупнейшим выступлением народных масс Украины против феодалов и иноземного гнета, оно не привлекло внимания исследователей. Только одна статья в дореволюционной историографии посвящена этому вопросу — статья П. Кулиша, напечатанная девяносто лет назад [1]. В советское время об этом восстании была напечатана небольшая популярная статья автора этих строк [2]. Вопрос освещается также в статье К. Г. Гуслистого «Крестьянско-казацкие восстания на Украине в 30-х годах XVII в.», помещенной в сборнике статей «Воссоединение Украины с Россией 1654—1954» (изд. АН СССР, 1954).

Статья Кулиша проникнута сочувствием к панам и глубокой ненавистью к восставшим крестьянам, казакам и мещанам. Кулиш с полным доверием относится к источникам, исходящим из шляхетского лагеря, отвергая в то же время украинские летописные источники, которые он третирует как «подложные», «не заслуживающие доверия» и т. д. Сущность восстания Кулиш сводит к защите казацкой старшиной своих сословных привилегий, совершенно игнорируя антифеодальную борьбу народных масс Украины. Он клевещет на руководителей восстания, повторяя по их адресу вслед за шляхетской историографией различные инсинуации и лживые обвинения; отряды нереестровых казаков Кулиш презрительно называет «казацкими купами», «анархистами» и т. д.

---

[1] П. Кулиш. Польско-казацкая война 1638 г.— «Отечественные записки», 1864, № 9 (сентябрь), стр. 327—355 и № 10 (октябрь), стр. 514—543.

[2] В. Шутой. Народное восстание на Украине против панской Польши в 1637—1638 годах — «Исторический журнал», 1939, № 5, стр. 65—80.

Источники по истории данного восстания можно разбить на три категории: 1) актовый материал; 2) украинские летописи и 3) мемуары

По содержанию и классовой направленности актовый материал резко делится на две части. К первой относятся универсалы руководителей восстания — гетманов Павлюка, Я. Острянина, Д. Гуни и их сподвижников (полковника Скидана и др.), расспросные речи украинских крестьян, мещан, казаков и их семей — участников крестьянских восстаний, спасавшихся от польско-шляхетского гнета бегством на территорию Русского государства, отписки пограничных русских воевод в Посольский и Разрядный приказы о событиях на Украине, о переходе украинского населения в пределы России, донесения русских послов из Польши и т. д. Ко второй группе материалов относятся королевские универсалы, постановления варшавского сейма и провинциальных шляхетских сеймиков, универсалы польских гетманов — коронного (главнокомандующего польскими вооруженными силами) и польного (заместителя главнокомандующего), жалобы шляхтичей на действия повстанцев и т. д.

Первая часть документов отражает настроения поспольства, казацкой бедноты и патриотически настроенной части нереестровой старшины. Эти документы раскрывают причины и классовый характер восстания, социальный и национальный гнет, свирепствовавший на Украине в первой половине XVII в., своеволие и бесчинство панов. В этих документах показаны формы и методы борьбы народных масс Украины, мероприятия вождей восстания по максимальному развертыванию восстания. К сожалению, универсалов руководителей восстания сохранилось очень мало, причем тексты нескольких универсалов Павлюка, Скидана и Гуни дошли до нас в передаче враждебно относившегося к восстанию Симеона Окольского (о нем подробно речь будет ниже). Важным документом этого рода является универсал гетмана Острянина от 20 марта 1638 г., адресованный казачеству и «всему посполитому народу малороссийскому», напечатанный в томе IV Летописи Величко [3].

Другая часть актового материала, независимо от того, кто является автором отдельных документов — король, сейм, шляхетский сеймик, гетман или какой-нибудь шляхтич,— полностью отражает точку зрения господствующего феодального класса Речи Посполитой, его стремление закабалить народные массы Украины, превратить посполитов и казаков в безвольных и покорных «хлопов». В количественном отношении этих документов, по понятным причинам, сохранилось несравненно больше, чем документов, вышедших непосредственно из лагеря восставших. Многие из рассматриваемых документов напечатаны в таких сборниках актовых материалов, как «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», «Архив Юго-западной России» и т. п., для которых характерен односторонний подбор документов из официальных польских учреждений и шляхетских родовых архивов.

Важным источником по истории восстания 1637—1638 гг. являются украинские летописи. Хотя авторы их и относились к числу казацкой старшины, но были патриотически настроены и стремились сохранить для последующих поколений историю борьбы украинского народа с иноземным шляхетским гнетом. Важно еще и то, что такие летописцы, как Самойло Васильевич Величко [4] и Григорий Иванович Гря-

---

[3] Летопись событий в Юго-западной России в XVII веке. Составил Самоил Величко, бывший канцелярист канцелярии войска Запорожского 1720, т. IV, Киев, 1864, стр. 135—146.

[4] С. В. Величко (род. в 1670 г., умер не ранее 1728 г.) с 1690 г. по 1708 г. служил в генеральной войсковой канцелярии у генерального писаря Василия Кочубея. После

бянка [5], не ограничиваясь собственной памятью, использовали официальные документы, записи и рассказы современников, польские хроники, различные не дошедшие до нас записки и другие источники. Это увеличивает ценность названных летописей в качестве исторического источника. Величко неоднократно подчеркивает, что сведения заимствованы им у неизвестного нам «казацкого летописца». Этот летописец сохранил для истории такой важный документ, как универсал Острянина от 20 марта 1638 г. Пространно говорит о событиях 1637—1638 гг. и Львовская русская летопись [6].

Правда, большинство летописей излагает события 1637—1638 гг. слишком кратко и дает мало фактического материала, однако они более или менее правильно вскрывают причины народных восстаний на Украине.

Большой фактический материал по исследуемому вопросу дают мемуары. Подчеркивая это обстоятельство, дореволюционная историография переоценивала достоинства указанного источника. Особенно это касается дневника Симеона Окольского за 1637—1638 гг. [7]

Дневник Окольского был впервые издан в 1639 г., затем несколько раз переиздавался. Дневник за 1638 г. был переведен на украинский язык украинским летописцем Самойлом Величко и помещен в томе IV его «Летописи» [8]. Дневник Окольского издан также на русском языке под редакцией В. Б. Антоновича в 1896 г. [9].

Дневник Окольского представляет определенную ценность по своему фактическому материалу и ряду включенных в дневник документов. Но Окольский является ярым идеологом и выразителем классовых интересов шляхты, оправдывает ее зверства по отношению к «хлопам» и упивается беспощадной расправой с участниками восстания.

Свой дневник Окольский посвящает «бдительному начальству», главному душителю восстания 1637—1638 гг., кровавому палачу польному гетману Николаю Потоцкому. Конецпольского он называет «заботливым гетманом», а его универсал от 3 сентября 1637 г. о кровавой расправе с восставшими — «мерой милосердия». Окольский ненавидит народные массы, осуждает их борьбу против магнатов и шляхты. Крестьянско-ка-

---

казни последнего он жил в имении сына Кочубея в с. Диканьке, где занимался литературным трудом и преподаванием.

[5] Г. И. Грябянка (умер около 1738 г.) прослужил в украинском казачьем войске больше полустолетия. В последние годы жизни он был гадячским полковником. Единственный дошедший до нас его труд — «Действия презельной и от начала поляков крвавшой небывалой брани Богдана Хмельницкого, гетмана Запорожского, с поляки...» написан в 1710 г. и издан в 1854 г. Основное внимание в летописи Грябянки уделяется Освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг.

[6] Львовская русская летопись охватывает время с 1498 г. по 1649 г. и заканчивается изложением Зборовского трактата 1649 г. Считают, что автором летописи был православный шляхтич из Подолии Михаил Игнатьевич Гунашевский, учившийся в Замойской академии и служивший потом православным архидиаконом Львовской епархии. В годы Освободительной войны 1648—1654 гг. Гунашевский был канцеляристом канцелярии гетмана Богдана Хмельницкого и на Переяславской раде 1654 г. присягнул на верность России (Доклады Академии Наук СССР, 1929, № 16, стр. 302). Летопись была издана М. П. Погодиным в составе «Русского исторического сборника», т. III, М., 1838. Позднее она печаталась в других изданиях целиком или в отрывках. В советское время часть летописи (о восстании 1630 г.) напечатана с оригинала в сб «Історія України в документах і матеріалах», т. III, Київ, 1941, стр. 86—89.

[7] Симеон Окольский (ум. в 1654 г.) в качестве войскового капеллана сопровождал карательную польскую армию на Украину в 1637—1638 гг. и, судя по приводимым им деталям описываемых событий, находился в свите главнокомандующего.

[8] Летопись событий..., т. IV, стр. 183—313.

[9] Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, Киев, 1896, стр. 168—282 (в дальнейшем цит.: Мемуары).

зацкое восстание он называет «преступным замыслом», а повстанцев — «мятежниками короля и Речи Посполитой», «грубыми хлопами», людьми презренными. Руководителей восстания иезуит Окольский называет «бездельниками» и «хлопами», а их универсалы — «бесстыдными», «мятежными» и «отвратительными». Он хорошо понимает, какую угрозу представляют крестьянско-казацкие восстания для феодального класса Речи Посполитой. «Истинный сын короны, преданный отчизне,— пишет Окольский,— который понимает, сколь грозен бывает домашний враг, особенно во время крестьянских войн, видя причину этого смятения, без сомнения должен будет в сокрушении оросить глаза свои слезами» [10].

В своей ненависти к восставшим Окольский не останавливается перед прямой фальсификацией фактов. В этом его уличал еще С. Величко. Однако украинские буржуазно-националистические историки, игнорируя критику Величко, всячески подчеркивали «обстоятельность» труда Окольского, принимая его данные без всякой критической проверки.

Из мемуарной литературы того времени представляет интерес для нашей темы «Описание Украины» Боплана [11], изданное в последний раз на русском языке под редакцией В. Б. Антоновича [12].

«Описание» содержит ценный материал, рисующий господствующее положение польских магнатов и шляхты и тяжелое подневольное положение украинского крестьянства. В «Описании» содержатся также важные данные по топографии и географии Украины того времени. Вместе с тем надо отметить, что Антонович дал запискам Боплана неправильную оценку, считая, что Боплан исключительно объективно и беспристрастно описывал «козацко-шляхетскую распрю», рассматривая ее «с точки зрения гуманитарной общечеловеческой справедливости». Конечно, ни о какой «объективности» и «общечеловеческой справедливости» Боплана говорить не приходится. Все симпатии Боплана принадлежат польским феодалам. Посвящая свой труд польскому королю Яну-Казимиру, он подчеркивает, что всегда верно служил Польше, и ставит себе в заслугу, что в значительной степени способствовал приобретению Польшей Украины. Боплан считает себя участником похода карательной польской армии, подавившей на Украине восстание 1637—1638 гг., и превозносит коронного гетмана Конецпольского, называя его «великим» и «непобедимым».

Таким образом, при всем значении мемуаров Окольского и Боплана в качестве исторического источника к ним нужно относиться сугубо критически.

Следует подчеркнуть, что до настоящего времени крестьянско-казацкие восстания 30-х годов XVII в. на Украине преимущественно освещались на основании польско-шляхетских источников. Так, например, П. Кулиш указывал, что для составления вышеуказанной его статьи о восстании 1638 г. главным источником служил ему дневник Окольского и в ряде случаев он использовал дневники и письма польских шляхтичей. Те же источники явились основой для соответствующих глав

---

[10] Мемуары, вып. II, стр. 170.

[11] Гильом Левассер де Боплан, французский дворянин, родом из Нормандии, родился в конце XVI в. В молодости он находился на военной службе во французской армии. В 1630 г. в качестве опытного военного инженера он был приглашен Сигизмундом III в Польшу и прожил на Украине 17 лет. Он сам пишет, что изъездил эту «прекрасную, редкую страну» «во всех направлениях и хорошо ознакомился с ее топографией и географией». Боплан занимался постройкой крепостей и их вооружением, а также основанием укрепленных слобод. В числе прочих им была построена крепость Кодак.

[12] Мемуары, вып. II, стр. 289—388.

трехтомного произведения, изданного П. Кулишем через 35 лет после названной статьи [13].

Польско-шляхетская документация служила первоисточником при описании крестьянско-казацких восстаний и М. Грушевскому (в томе VIII «Історії України — Русі») и Н. Костомарову (в книге «Богдан Хмельницкий»).

В связи с подготовкой к знаменательному событию — 300-летию воссоединения Украины с Россией советские ученые проделали большую и плодотворную работу по выявлению и опубликованию наиболее важных документов, освещающих события на Украине накануне и в период Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг.[14] Большой документальный материал первого тома сборника документов, относящийся к 1620—1647 гг., характеризует тяжелое экономическое положение Украины, жестокий польско-шляхетский социально-экономический и национально-религиозный гнет, от которого прежде всего страдал основной производительный класс феодального общества — крепостное крестьянство. Впервые публикуемые здесь документы, извлеченные из фондов Центрального государственного архива древних актов СССР, не только расширяют круг сведений о крестьянско-казацких восстаниях 30-х годов XVII в., но дают возможность исследовать их на более расширенной, чем прежде, основе и по-новому оценить их значение.

II

Ослабление Древнерусского государства — Киевской Руси в результате феодальной раздробленности и опустошительного нашествия татаро-монгольских ханов в XIII в. привело к обособлению отдельных частей древнерусской народности, от которой ведут свое происхождение русский, украинский и белорусский народы.

В XIV—XV вв. происходил процесс формирования на основе единой древнерусской народности трех братских народностей — русской, украинской и белорусской, с присущими им особенностями языка, культуры и быта. Несмотря на особенности каждой из этих народностей и на великие испытания, выпавшие на их долю, они пронесли через века сознание того, что неразрывно связаны между собою единством происхождения, общностью истории, близостью языка и культуры. Но различно сложились исторические судьбы русского и украинского народов.

Русский народ в длительной и самоотверженной борьбе с татаро-монгольскими и другими чужеземными поработителями, преодолев феодальную раздробленность, отстоял свое самостоятельное национальное существование и создал могущественное централизованное государство. Огромная заслуга в этом принадлежит Москве, поднявшей знамя объединения разрозненных русских земель, ставшей основой и инициатором образования Русского государства, его политическим и экономическим центром. Русское государство с самого начала своего возникновения явилось притягательным центром и опорой для братских народов, совместно боровшихся против общих врагов.

Образование Русского централизованного государства сыграло большую прогрессивную роль в истории и жизни украинского и белорусского

---

[13] П. А. Кулиш. Отпадение Малороссии от Польши (1340—1654), тт. I—III, М., 1888—1890.

[14] Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. Том I — 1620—1647 годы; том II — 1648—1651 годы; т. III — 1651—1654 годы, М., 1953.

народов, приобревших в нем опору для освободительной борьбы против иноземных захватчиков.

Украинские земли были разорваны на части и стали добычей литовских, польских и венгерских феодалов, а позднее — султанской Турции и ее вассала — крымского хана, и на длительное время оказались под иноземным игом.

Господствующий феодальный класс Польши (магнаты и шляхта) в течение нескольких столетий вел на востоке агрессивную захватническую политику, враждебную по отношению к русскому, украинскому и белорусскому народам. Пользуясь ослаблением, в результате монгольского нашествия, восточнославянских княжеств, польские феодалы захватывали русские, белорусские и украинские земли. После Люблинской унии 1569 г., когда Литва и Польша объединились в одно государство — Речь Посполитую, под гнетом панской Польши среди прочих украинских земель оказались также Волынь, Подолия, Киевщина и Брацлавщина (или восточная Подолия), захваченные литовскими князьями еще во второй половине XIV в.

Речь Посполитая в социальном отношении была феодально-крепостнической, дворянской республикой, основанной на жесточайшей эксплуатации и угнетении крестьян.

Вся земля в Речи Посполитой принадлежала феодалам, которые пользовались здесь бо́льшими правами и привилегиями, чем феодалы в любой другой стране. Крестьяне были лишены права земельной собственности, жестоко эксплуатировались, были бесправными «хлопами». Любой дворянин мог безнаказанно убить не только своего, но и чужого крестьянина. Польские паны расправлялись с крестьянами настолько свирепо, что это вынуждены были признать даже представители господствующего класса. Так, иезуит Скарга, живший в Польше в XVI в., признал, что «нет государства, где бы подданные и земледельцы были так угнетены, как у нас под беспредельной властью шляхты» [15]. Пан Старовольский (XVI в.) писал, что «азиатские деспоты во всю жизнь не замучат столько людей, сколько их замучат каждый год в свободной Речи Посполитой» [16].

На жестоком угнетении своих «подданных» польские магнаты создавали себе огромные богатства, удивлявшие иностранцев. Жестокую эксплуатацию, тяжелый гнет и изощренные методы насилия, царившие в шляхетско-крепостнической Польше, польские феодалы еще в большей мере насаждали на захваченных ими украинских землях. Крупнейшие польские феодалы Потоцкие, Конецпольские, Калиновские, Жолкевские, Замойские и другие создали на Украине огромные по размерам магнатские хозяйства. Одновременно увеличивали свои земельные владения и ополячившиеся украинские магнаты — Вишневецкие, Заславские, Острожские, Корецкие и др. Например, в реестре владений князя Иеремии Вишневецкого в 40-х годах XVII в. числилось свыше 50 крупных населенных пунктов (в том числе города Полтава, Лубны, Пирятин, Прилуки, Ромны, Мошны, Жовнин и др.), 39 610 крестьянских и мещанских хозяйств и 423 мельничных колеса. Вишневецкий имел собственное войско, состоявшее из 6000 человек конницы и 26 000 человек милиции из крестьян его поместий. Острожские владели примерно одной третью Волынского воеводства, в их владениях только на Украине было 2760 сел и 80 городов и местечек. С. Конецпольскому накануне Освободительной

---

[15] Цит. по книге: Н. И. Костомаров. Богдан Хмельницкий, СПб., 1904, стр. 29.
[16] Там же, стр. 32.

войны только в районе Южного Буга (Брацлавщина) принадлежало 740 сел и 170 городов и местечек. Потоцкие владели Нежинским староством на Черниговщине, Кременчугом, Потоками и другими населенными пунктами по Днепру и многочисленными имениями в Поднестровье. Владения Калиновских были расположены вдоль всего Подолья, вокруг Чернигова и Новгород-Северска [17]. Православные монастыри — Киево-Печерский и другие — также были крупными землевладельцами.

Захватив украинские земли, польские феодалы установили здесь тягчайший крепостнический режим. Жестокая крепостническая политика, проводившаяся панской Польшей на Украине, затрагивала прежде всего и больше всего интересы основного производительного класса феодального общества — закрепощенного крестьянства. Польская шляхта не считала украинских крестьян за людей и грубо попирала их человеческое достоинство.

Эксплуатация крестьян достигла огромных размеров. Повсеместно крестьяне работали на панщине (барщине) 3—4 дня в неделю [18], но во многих местах панщина была ежедневной. Кроме панщины, крестьяне платили помещикам оброк деньгами и продуктами, выполняли многочисленные тяжелые повинности [19].

За малейшее неповиновение крестьян бросали в тюрьмы, пытали. Из жалобы крестьян деревни Прусек выясняется, что арендатор этого села, он же судья Саноцкой земли Ян Лещинский заключил в тюрьму крестьянина Ивана Кучма «за то, что он не хотел отдать пану судье свою дочь, пока не был вынужден отдать дочь, 12 злотых и корову» [20]. Таких фактов было множество [21].

Кроме повинностей в пользу феодалов, крестьяне обязаны были платить государственные налоги, а также выполнять ряд государственных повинностей. Крестьяне давали еще десятину в пользу католической или православной церкви.

Польские магнаты, захватив украинские земли, сосредоточили в своих руках не только экономическую, но и политическую власть. Они заняли должности воевод, старост и каштелянов. Много должностей стало наследственными. Вся деятельность этих должностных лиц преследовала цель как можно больше выжать доходов из обнищавшего и закрепо-

[17] Данные заимствованы у П. А. Кулиша — «История воссоединения Руси», т. I. СПб., 1874, стр. 26—29. См. также сборник документов «Воссоединение Украины с Россией», т. I. Польский король Сигизмунд III в один день 29 сентября (9 октября н. ст.) 1620 г. выдал привилеи князю Константину Вишневецкому и волынскому воеводе князю Янушу Заславскому на пожизненное владение первому Черкасским старостовом с местечками Боровицей, Голтвой, Крапивной, а второму — Переяславским старостовом с местечками Яготиной, Гельмязевым, причем названные местечки передавались обоим магнатам «со всеми другими селами, выселками, фольварками, слободами, хуторами, корчмами, пивоварнями, мельницами, с подданными и их чиншами, работами и всякими повинностями, пасеками, прудами, озерами, садками, реками, полями, лесами, обычными пошлинами и со всеми прочими доходами и принадлежностями», издавна относящимися к этим староствам (документы №№ 5 и 6). 11/21 августа 1621 г. Сигизмунд III отдал королевскому коморнику Бартоломею Обалковскому во владение местечки Березань, Быково, Яблоново, Миргород с селами, слободами, людьми и доходами, «каковыми слободами он может владеть, населять их, расширять и обращать к наибольшему доходу в силу этого листа...» (документ № 10; см. также документ № 70).

[18] См. об этом «Инвентарь Нижнего Ясеновского фольварка...» (Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 211). О принуждении крестьян отбывать четырехдневную панщину см. жалобы крестьян села Брюховичи и Билогорща на урядников Львовского магистрата (там же, №№ 91, 95), «Инвентарь сел Свиды и Видыбора с указанием размеров феодальных повинностей крестьян» (там же, № 100) и др.

[19] См. Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 229.

[20] См. там же, № 230.

[21] См. там же, №№ 11, 101, 176, 184, 198, 199

щаемого населения. Результатом хищнического хозяйничания польских феодалов на Украине явились уменьшение урожаев, голод, эпидемии, сделавшие невыносимым и без того трудное положение народных масс.

Не в лучших условиях жили мещане городов. После Люблинской унии в городах появились иноземные старосты, чуждые украинскому населению. Старосты угнетали мещан, заставляя их платить многочисленные разорительные налоги; мещан-ремесленников принуждали обслуживать замки и ремонтировать их.

Пользуясь правом беспошлинного вывоза своих сельскохозяйственных продуктов и беспошлинного же ввоза иностранных изделий для собственных нужд, польская шляхта подрывала городское ремесло и торговлю. Шляхта ограничивала права мещан-украинцев. Их не допускали в городские самоуправления, а в некоторых городах (как, например, во Львове) украинцы не имели доступа даже в некоторые ремесленные цехи [22].

В инструкции своим послам на варшавский сейм 1609 г. львовские мещане жаловались, что им запрещают заниматься ремеслами, владеть имуществом и вообще всем, «чим бы только человек жив быти могл, того не волен русин на прирожоной земли своей руской уживати в том то руском Лвове» [23]. Во Львове украинцам разрешалось жить лишь в одном определенном квартале, который назывался «русской улицей».

В 1622 г. житомирские мещане жаловались, что арендатор, которому владелец Житомира князь Александр Заславский сдал город в аренду, в нарушение предоставленных житомирцам Стефаном Баторием и Сигизмундом-Августом привилегий, гонит мещан на полевые работы и устройство мостов, не разрешает им торговать, собирать ярмарки и продавать на них пиво, мед, водку, собирает повышенные пошлины и т. д.[24]

Социально-экономическое и политическое угнетение украинского народа дополнялось гнетом национальным и религиозным. Чужеземные захватчики с помощью Ватикана мерами жестокого принуждения насаждали на Украине католицизм, предавали поруганию украинский язык и культуру, закрывали православные церкви, строили костелы. Все это делалось для того, чтобы окатоличить и ополячить украинский народ, духовно поработить его и тем самым оторвать от братского русского народа. В наступлении католицизма проявилась особая агрессивность римской курии, стремившейся подчинить своему влиянию восточнославянские народы.

Более двухсот лет польские правящие круги и католическое духовенство внедряли церковную унию, т. е. соединение западной и восточной церквей под властью папы римского. Уния рассматривалась как переходная ступень к католичеству. Часть высшей иерархии православной церкви пошла на сговор с правящими кругами Польши. На церковном соборе в Бресте в 1596 г. уния была утверждена, после чего гонения на православие еще более усилились. Украинская шляхта Волыни неоднократно заявляла на варшавском сейме, что православная религия «таким подвергается насилиям в христианском католическом государстве, в вольной и свободной республике, каких не претерпевают и христиане-греки в неволе у неверных» (т. е. в Турции) [25]. Эти слабые протесты не-

---

[22] Там же, №№ 177, 242.

[23] Чтения в Историческом обществе Нестора летописца, кн. 5, Киев, 1891, отд. 3, стр. 209—210.

[24] Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 13. См. также жалобу владимирских мещан (там же, № 234).

[25] Архив Юго-западной России, ч. II, т. I, Киев, 1861, №№ XXV, XXVI и др.

которых представителей господствующего класса угнетенной нации не могли, конечно, изменить положения.

Тяжелое положение народных масс Украины усугублялось феодальной анархией, царившей в Польском государстве и проявлявшейся в разнузданном произволе магнатов и шляхты, подвергавших систематическому ограблению и разорению украинские земли, народные массы Украины.

Украинские феодалы, страшась все усиливавшейся антикрепостнической классовой борьбы и стремясь подавить ее, вместе со своими белорусскими собратьями поддерживали агрессивные устремления чужеземных захватчиков на восток, настойчиво добивались равенства прав,— укрепления и расширения своих классовых феодально-крепостнических привилегий,— с польской шляхтой, усиления эксплуатации трудящихся. Этого им удалось достигнуть ценой национального предательства, ценой отказа от родного языка, перехода в лоно католичества. Процесс окатоличивания и ополячивания украинской шляхты и магнатов особенно усилился в первой половине XVII в. В 1634 г. принял католичество крупнейший украинский магнат князь Иеремия Вишневецкий.

Широкие массы украинского и белорусского народов остались недоступными влиянию унии и католичества, олицетворявших иноземное порабощение. Именно украинские крепостные, как указывает Энгельс, «сохранили во всех отношениях верность своей прежней православной религии» [26], которую господствующие классы третировали как «хлопскую». Борьба народных масс против унии была формой народно-освободительной борьбы против чужеземного владычества на Украине, борьбы за национальную независимость, за национальную культуру, за связь с братским русским народом.

Украинская буржуазно-националистическая историография выдвигала религиозный и национальный моменты в качестве главной причины непрекращавшейся борьбы между украинским населением и иноземными захватчиками. Но это неверно. Религиозные гонения и национальный гнет значительно обостряли борьбу народных масс Украины против иноземных поработителей, но решающую роль играла к л а с с о в а я б о р ь б а, наличие которой, по понятным причинам, решительно отрицают украинские буржуазные националисты, выдвинувшие «теорию» бесклассовости украинской нации. Если классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток, если интересы, нужды и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это следует объяснять конкретными историческими условиями.

Гнет польско-шляхетского государства и неограниченный произвол польских панов стали сильнейшим тормозом экономического и культурного развития Украины. Украинский народ, находясь под иноземным гнетом, жестоко страдал также от постоянных разбойничьих нападений кочевых турецко-татарских орд. Они разоряли города и села Украины, опустошали и сжигали целые районы, уводили на ближневосточные невольничьи рынки десятки тысяч людей, погибавших затем на тяжелых каторжных работах в турецкой неволе. Разбойничьи орды, иногда численностью до 80 тыс. человек, вторгались не только в Южную Украину, но достигали и Западной Украины.

Гнет польской шляхты и страшные опустошительные набеги кочевых орд турецко-татарских ханов на украинские земли поставили украинский народ под угрозу уничтожения. Находясь под такой угрозой, украинский народ на протяжении веков вел героическую борьбу против гнета

[26] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. 1, стр. 160.

чужеземных поработителей за свою свободу и независимость, за воссоединение с братским русским народом.

Главной движущей силой в этой борьбе было крепостное крестьянство; оно же, составляя большинство угнетенного народа, стало решающим фактором в освободительном движении от ига иноземных захватчиков. Еще в XV в. началось бегство угнетенных крестьян и мещан из западной Подолии и северо-западной Киевщины в менее заселенные южные степи Украины, на Брацлавщину и Заднепровье. Бегство из насиженных мест было распространенной формой антифеодальной борьбы украинского поспольства. Беглые крестьяне и мещане, спасавшиеся от все усиливавшегося феодального гнета, составили ядро позднейшего казачества, не подчиненного правительственным учреждениям. Выбрав малодоступные места за порогами Днепра, казаки в начале XVI в. основали там свой центр, который стал называться Запорожской Сечью. Первая Сечь была основана на острове Хортице. Уже с самого своего основания Сечь представляла собой серьезную военную организацию с правильным разделением на полки и более мелкие единицы, сильную сплоченностью и боевым духом.

Запорожское казачество выступало вместе с крестьянами и городской беднотой защитником Украины от внешних врагов — турецко-татарских грабителей. В этой борьбе украинский народ не был одинок. С середины XVI в. начались совместные военные действия русских войск, донских и запорожских казаков против общих врагов — султанской Турции и разбойничьих орд крымского хана. Борьба с внешними врагами укрепляла братские связи и дружбу русского и украинского народов. Крепкой и тесной была дружба и взаимопомощь между запорожскими и донскими казаками. Сотнями и тысячами запорожцы проживали на Дону, а донцы — в Сечи. Вместе они часто совершали морские походы к берегам Крыма и Турции [27]. Запорожцы были также связаны с терскими и яицкими казаками [28].

Основными занятиями казаков в мирное время были земледелие и лесное хозяйство, рыбная ловля, охота, соляной промысел. Современники утверждали, что среди казаков были опытные мастера: плотники, умеющие строить дома и суда, экипажные мастера, кузнецы, оружейники, кожевники, шорники, сапожники, бочары, портные и т. п. Казаки искусно изготовляли селитру, из которой выделывали превосходный порох.

Запорожское казачество не было однородным, как то утверждают украинские буржуазные националисты. В Запорожье в конце XVI в. уже существовала глубокая классовая дифференциация, резко подчеркнутое различие между старшиной и зажиточными казаками, с одной стороны, голытьбой, «чернью» — с другой. Посол императора Рудольфа II Эрих Ляссота, посетивший Запорожье в 1594 г., говоря о более зажиточных казаках, «каковы, например, охотники или владельцы челнов», одновременно указывал, что в войске «много людей бедных». Он же отметил, что обсуждение важных вопросов проводилось двумя отдельными колами (кругами), из которых одно состояло из старшин, а другое — из рядовых («черни») [29].

Зажиточные казаки были владельцами пасек, судов, слобод, больших стад скота и табунов лошадей, хлебных и соляных запасов, а также оружия. Они эксплуатировали «наймитов», «тяглых» и «пеших» (зависимых крестьян), а также пленных. Богатые казаки имели свои земли

[27] Воссоединение Украины с Россией, т. I, №№ 12, 18, 20, 29, 30, 37, 47, 52, 54 и др.
[28] См. там же, № 71.
[29] Мемуары, вып. I, Киев, 1890, стр. 168, 171.

и хозяйства на Левобережной Украине, на Брацлавщине. Располагая большими средствами, зажиточные казаки снабжали казацкую бедноту оружием, лодками, деньгами и одеждой, отбирая за это у нее львиную долю военной добычи. К зажиточным принадлежали «старшие казаки» (старшина), т. е. гетман, писарь, полковники, сотники и атаманы (атаман командовал десятком). Все должности в Сечи были выборными. Однако этот «демократизм», который так воспевали Антонович, Грушевский и другие буржуазно-националистические историки, являлся лишь видимостью демократии, так как, располагая экономической, административной, военной и судебной властью, зажиточные казаки действовали силой, подкупами и демагогией и всегда имели возможность сохранить в своих руках командные высоты.

При всем том во второй половине XVI в. и в первой половине XVII в. феодальный гнет в Запорожье был значительно легче, чем на Украине, где господствовали польские и ополячившиеся украинские феодалы, интересы которых защищали многочисленная администрация и войско чужеземных захватчиков. По этой причине запорожское войско, как уже указывалось, постоянно пополнялось за счет крестьян и мещан, бежавших от жестокого феодального и национально-религиозного гнета, царившего на Украине. Благодаря этому в Сечи всегда находили отражение настроения и идеи, господствовавшие среди народных масс Украины. Естественно, что рядовые запорожские казаки вместе с крестьянством и городской беднотой вели непримиримую борьбу против феодально-крепостнического и национального гнета.

Польские правящие круги при поддержке украинской шляхты стремились военной силой уничтожить казачество. Когда же это не удалось, они начали привлекать к себе на службу наиболее зажиточные слои казачества для охраны восточных границ; они надеялись этим путем внести раскол в среду запорожцев, использовав зажиточное казачество для борьбы с народными, антифеодальными и освободительными восстаниями.

С целью расколоть казачество и использовать его для подавления крестьянских восстаний польское правительство во второй половине XVI в. завело реестры (списки), в которые заносилось определенное число зажиточных казаков. Последние, находясь на службе у польского правительства, получали от него жалованье и некоторые права на владение свободными от повинностей землями. Казаки, включенные в реестр, назывались реестровыми; центром реестрового казачества были города Черкасы и Канев

Но и реестровое казачество не представляло собой однородную социальную группу. В его среде образовались две прослойки: казацкая старшина и рядовое реестровое казачество. Первые считали себя польскими шляхтичами и ориентировались в своей политике на Польшу; вторые, вышедшие из среды крепостного крестьянства, противостояли казацкой старшине и феодально-крепостническому строю. Нереестровых казаков всегда было во много раз больше, чем реестровых; центром нереестрового казачества являлась Запорожская Сечь.

Казачество сыграло видную роль в восстании 1637—1638 гг., как и в других выступлениях украинского народа против польско-шляхетских угнетателей.

III

Крестьянско-казацкое восстание 1637—1638 гг. не было случайным эпизодом в истории Украины того времени. Наоборот, оно логически вытекало из тогдашней исторической обстановки и было тесно связано

со всей предыдущей и последующей антифеодальной и освободительной борьбой народных масс Украины, со всеми крестьянско-казацкими восстаниями конца XVI в. и первой половины XVII в. Восстание 1637—1638 гг. было важным звеном в цепи этих восстаний и явилось замечательным предвестником Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. против иноземного владычества.

Вместе с поспольством Украины массы нереестрового казачества поднялись на борьбу с украинскими и польскими феодалами за освобождение Украины от иноземного ига еще в последней четверти XVI в. В 1587 г. Лукьян Чернявский, называвший себя гетманом, собрав казаков и крестьян, «которые з сел се зобрали, могло дей быти конных и пеших о колко сот», напал на местечко Кодню, принадлежавшее пану Тышкевичу [30]. В 1590 г. два крупных повстанческих отряда, среди которых одних только запорожцев было 500 человек, напали в Белоруссии на местечко Быхов и сел. Холстов [31]. С этого времени восстания происходили почти ежегодно, часто охватывая всю Украину. В каждое последующее восстание вовлекались все более широкие массы крестьян, мещан и казаков.

С целью «обезоружить» казачество и «обуздать» народные массы Украины 25 июля 1590 г. был издан универсал Сигизмунда III о постройке на Днепре крепости Кременчуг, где должен был стоять гарнизон из 1000 человек на жалованье «для укрощения украинского своеволия... и предотвращения набегов на соседние земли» [32].

Однако «украинское своеволие» не прекращалось, и в период 1591—1596 гг. восстание на Украине разрасталось, охватив воеводства Киевское, Брацлавское и Волынское. Для борьбы с восстанием польский король Сигизмунд III универсалом от 29 января 1593 г. призвал шляхту названных воеводств на посполитое рушение (поголовное шляхетское ополчение), указав, что речь идет о безопасности, спокойствии и сохранении «вольностей» и имущества самой шляхты [33]. Во главе восстания вначале стоял мелкий шляхтич Криштоф Косинский, а после его смерти, последовавшей в мае 1593 г. [34],— Григорий Лобода (гетман реестровых) и Северин Наливайко (гетман нереестровых). В 1594—1595 гг. Наливайко занял города Брацлав и Луцк. Восстание охватило и Белоруссию. Против восставших в начале 1596 г. выступил коронный гетман Жолкевский. Он беспощадно расправлялся по пути своего следования с мирным населением, желая «потопить пожар в хлопской крови».

Слабо вооруженные и недостаточно организованные казацко-крестьянские отряды столкнулись с регулярной польской армией под командованием Жолкевского. После двух упорных боев, под Белой Церковью и Острым Камнем, повстанцы, сохранив свои боевые силы, в полном порядке отступили на левый берег Днепра, чтобы перейти пограничную линию Русского государства, где они были бы в безопасности. Вскоре после этого, получив свежее подкрепление, Жолкевский предупредил переход восставшими русской пограничной линии и окружил их недалеко от Лубен, на реке Салоницах (приток Сулы). К этому времени внутри казацкого лагеря обострились отношения. Часть реестрового казачества

---

[30] Архив Юго-западной России, ч. III, т. I, Киев, 1863, № VIII.

[31] Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-западной Руси, т. I, Вильна, 1867, стр. 175—188.

[32] Архив Юго-западной России, ч. III, т. I, № XI.

[33] Там же, № XVII.

[34] Ригельман указывает, что Косинский был убит в сражении под Пяткой в 1594 г. (Летописное повествование о Малой Руси, ч. 1, кн. II, М., 1847, стр. 28).

во главе с гетманом Лободой искала соглашения с Польшей. Однако противники этого соглашения убили Лободу. Война продолжалась. После длительного сопротивления окруженные повстанцы, измученные голодом, сдались. Жолкевский нарушил условия сдачи, и его жолнеры вырезали находившихся в лагере несколько тысяч повстанцев, в том числе женщин и детей. Руководителей восстания увезли в Варшаву и там их «неслиханною жесточайшою казнию помертвили» [35]. Наливайко после 10-месячного тюремного заключения был казнен в апреле 1597 г.

Жестокие репрессии, проводившиеся Жолкевским, не могли заставить украинский народ сложить оружие. Причины, которые вызвали народное восстание 1591—1596 гг., попрежнему оставались в силе. Бегство посполитых в Запорожье усилилось.

Вдохновляющим примером для украинских и белорусских трудящихся, боровшихся против иноземного порабощения и местных эксплуататоров, явилось крестьянское восстание в России под руководством Ивана Болотникова (1606—1607 гг.), охватившее также Черниговский, Новгород-Северский и Путивльский уезды. В этом восстании участвовали и украинские крестьяне, городская беднота и казаки. В то же время против польской шляхты поднялся белорусский народ. В Могилеве восстание длилось с 1606 по 1610 г.

Победа, одержанная русским народом при защите родной земли от польско-шведских интервентов в начале XVII в., дала мощный толчок борьбе украинского народа за освобождение от иноземного ига, за воссоединение с братской Россией. В итоге понесенного в 1612 г. поражения Речь Посполитая была ослаблена, и это положительно сказалось на развитии освободительной борьбы народных масс Украины и Белоруссии против социального и национального гнета.

Стремление народных масс России и Украины к единству действий, к объединению сил в борьбе с чужеземными захватчиками сливалось в единый мощный поток.

В своей освободительной борьбе против иноземного порабощения украинский народ всегда опирался на помощь русского народа. В ходе освободительной борьбы все более углублялось и расширялось стремление украинского народа к воссоединению с русским народом в едином государстве. Передовые представители казацкой старшины и православного духовенства, отражая настроения и вековые чаяния народных масс, многократно обращались к русскому правительству с предложением воссоединить Украину с Россией.

Руководитель первого крупного крестьянско-казацкого восстания на Украине гетман К. Косинский обратился в 1593 г. от имени запорожских казаков к русскому правительству с просьбой принять их в русское подданство [36]. Царь ответил согласием. Из Москвы запорожцам было дано указание соединиться с донскими казаками и совместно воевать против татар [37]. Но восстание было подавлено, а Косинский погиб в бою. Однако известно, что в последние годы XVI в. и первые годы XVII в. при царях Федоре Ивановиче и Борисе Годунове запорожцы получали жалованье от русского правительства [38].

[35] Летопись Самовидца, Киев, 1878, стр. 370.

[36] О тесных связях Косинского с русским правительством сообщил 13 мая 1593 г. Яну Замойскому королевский староста черкасский и киевский Александр Вишневецкий (Історія України в документах і матеріалах, т. III, № 21).

[37] СГГД, т. II, № 62.

[38] Посол австрийского императора Эрих Ляссота пишет в своем дневнике под 1594 г., что он встретил русского посла Василия Никифоровича, который вез запорожцам подарки от русского правительства (Мемуары, вып. I, стр. 163, 178). В своей че-

В феврале 1620 г. в Москву прибыло посольство гетмана Петра Сагайдачного, которое возглавлял атаман Петр Одинец. Запорожские казаки объявили о своем желании служить России [39].

Посольство было торжественно принято в Москве. Послы получили награды, а при отъезде им вручили царскую грамоту и жалованье войску запорожскому [40].

30 июня 1621 г. путивльские воеводы В. Туренин и С. Собакин доносили в посольский приказ о намерении запорожских казаков поднять восстание против шляхетской Польши, занять Киев и другие украинские города, присоединить их к России и перейти в русское подданство [41]. В начале 1625 г. войско запорожское отправило в Москву посольство с грамотой [42].

Наиболее видными представителями православного духовенства, выступавшими еще в 20-х годах XVII в. против шляхетско-католической агрессии за воссоединение Украины с Россией, были перемышльский епископ Исайя Копинский, хлопотавший о переходе монахов и казаков на русскую территорию [43], и киевский митрополит Иов Борецкий. Последний писал в Москву, что казаки, сколько их ни есть, все перейдут в Русское государство [44].

Внешнеполитическая обстановка Русского государства в первой половине XVII в. не давала возможности русскому правительству решить вопрос о воссоединении Украины с Россией. Однако оно оказывало систематическую материальную помощь Украине.

Исключительно большую помощь оказывало Русское государство освободительной борьбе украинского народа своей покровительственной политикой переселенцам из Украины в пределы России. Переселение украинских крестьян, мещан, казаков, православного духовенства и мелкой украинской шляхты с захваченных польскими феодалами украинских земель началось еще в XVI в., но усилилось и приняло массовый характер в первой половине XVII в. [45]

Бежавшие от шляхетской неволи в пределы России встречали благожелательный прием со стороны русских властей, дружественное отношение населения русских городов и сел. Русское правительство решительно отвергало все требования польских властей о выдаче им украинских переселенцев [46]. Переселение украинцев на территорию Русского государства способствовало более тесному сближению народных масс Украины и России, усилению стремления украинского народа к воссоединению с братским русским народом в едином государстве.

Важное значение для усиления движения народных масс Украины за воссоединение с Россией имело развитие экономических и культурных связей между Украиной и Россией. Украинские купцы ввозили в Россию пшено, муку, рыбу, хмель, воск, деготь, бумагу, селитру, гончарные изделия, кожухи, пригоняли на русские ярмарки лошадей. Украинские

лобитной царю Михаилу Федоровичу от 16 января 1641 г. путивльский казак Г. Конашов писал, что при Федоре Ивановиче вместе с Юрьем Беззубцовым он был послан «в Запороги с его государским жалованьем и денежным», а «при царе Борисе в Запороги ж з денежным жалованьем с-Ываном Оладьиным и с сукнами» (Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 192).

[39] Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 1.

[40] Там же, №№ 2—3.

[41] Там же, № 8.

[42] Там же, № 24.

[43] Там же, №№ 15, 16.

[44] Там же, № 22.

[45] См. там же, №№ 26, 58, 59, 61, 73, 75 и др.

[46] Там же, №№ 114, 146.

купцы посещали ярмарки и торги Москвы, Курска, Тулы, Калуги, Рыльска, Белгорода, Новгорода и др. Русские купцы сбывали на украинских рынках меха, шубы, юфть, полотно, конскую сбрую, кустарные изделия из дерева и т. д. Свои товары русские купцы продавали в Киеве, Луцке, Каменец-Подольске, Львове и других городах [47]. Русское правительство способствовало развитию торговых отношений России с Украиной, создавало в порубежных с Украиной городах специальные дворы для приезжих украинских купцов и торговых людей [48].

Широкие торговые и экономические связи с Россией сыграли важную роль в историческом развитии Украины, способствовали сближению двух братских народов.

IV

Для борьбы с народным недовольством правительство Речи Посполитой создавало на Украине сеть крепостей с постоянными гарнизонами, стремясь в то же время всеми средствами ограничить численность и права казачества. Часть казацкой старшины действовала сообща с польским правительством, помогала подавлять антифеодальные и освободительные выступления украинских крестьян, мещан и казаков, заключала с ним предательские соглашения, сводила до минимума казацкий реестр. Эта часть казацкой старшины не думала о защите интересов своего народа, она думала об обеспечении личного благополучия.

В 1625 г. на Украине вспыхнуло новое восстание [49]. Для подавления восстания польское правительство двинуло под командованием коронного гетмана Станислава Конецпольского шляхетские войска численностью около 8000 человек, среди которых были немецкие и венгерские наемники. Решительное сражение между войском Конецпольского и незначительными силами казаков произошло возле озера Куруки (близ Кременчуга). Шляхетское войско понесло значительные потери убитыми и ранеными. Конецпольский был вынужден пойти на переговоры с казаками, завершившиеся заключением так называемого Куруковского договора [50]. Последний полностью передавал в руки старшины управление реестровым казачеством. В благодарность за это казацкая старшина должна была оставить только 6 тыс. реестровых казаков, а остальных, называвшихся «выписчиками», вернуть феодалам-крепостникам.

Следствием Куруковского договора было усиление феодального гнета и появление многотысячной армии бесправных «выписчиков», не включенных в реестр казаков [51]. Не желая возвращаться в прежнее крепостное состояние, они уходили на низовье Днепра, часть казаков выражала желание перейти на Дон и другие русские земли [52]. По официальному донесению польскому королю, в мае 1629 г. выписчиков было уже до 40 тыс.

---

[47] Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 19.

[48] Там же, №№ 87—90, 94, 96 и др.

[49] См. там же, №№ 24, 27, 31, 32.

[50] Там же, № 35. См. также Мемуары, вып. I, стр. 126—147.

[51] Священник Филипп показывал, как составлялся казацкий реестр и кто в него был включен: «А козацкой де гетман Дорошенко с польскими комисары ездит по козацким городом, розбирает козаков... Лутчие люди козаки (т. е. наиболее зажиточные.— *В. Ш.*) пристали к нему, Дорошенку» (Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 31).

[52] «А которых де, государь, людей от козачества отставливают, и те козаки все мыслят посылати бить челом тебе,— говорил священник Филипп,— чтобы ты, государь, пожаловал их, велел им помочь учинить своими государевыми людьми на поляков. И они де, козаки, станут служить тебе, государю, и городы литовские (украинские.— *В. Ш.*) станут очищать в твое государево имя...» (там же).

Отношения между двумя группами казачества — привилегированными реестровыми и объявленными вне закона выписчиками — становились напряженными, враждебными, доходившими до открытых вооруженных схваток. Атмосфера на Запорожье была накалена до крайности и отражала, как в зеркале, остроту классовых и политических противоречий на Украине, где народные силы готовились к новым восстаниям.

Желая предупредить восстание, правительство Речи Посполитой после окончания осенью 1629 г. шведской войны направило войско на Украину на постой. Опираясь на военную силу, феодалы и старосты усилили феодальный и национально-религиозный гнет. Жолнеры грабили население и издевались над ним, похваляясь истребить «казаччину», казаков насильно превращали в крепостных.

Ответом было крестьянско-казацкое восстание, вспыхнувшее в ряде районов Поднепровья, Киевщины и Полтавщины. Крестьяне, мещане и казаки, создавая отряды, нападали на квартировавшее на Украине польское войско, изгоняли шляхту и польскую администрацию, разоряли имения. На Запорожье выписчики еще в 1629 г. избрали гетманом Тараса Федоровича («Трясило»), талантливого организатора, испытанного руководителя, вставшего во главе восстания. К нему присоединились находившиеся на Запорожье реестровые [53]. Гетман реестровых Григорий Саввич Черный как агент польских панов был на войсковой раде обвинен в измене и казнен. Тарас обратился с универсалами к населению Украины, в которых объявил себя единственным законным руководителем казачества и призвал подняться на борьбу против шляхты за казацкие вольности, за православную веру. Тарас Федорович, выступавший в течение ряда лет за воссоединение Украины с Россией, обратился также за помощью к братскому русскому народу [54].

В начале апреля 1630 г. Тарас с наличными силами выступил из Запорожья на Корсунь (Киевщина). При поддержке корсунских мещан он разгромил находившийся там польский гарнизон и 4 апреля овладел городом. Отсюда повстанческое войско победоносным маршем прошло до Переяслава, где были сосредоточены главные силы народного восстания. Последнее охватило все Приднепровье. Много повстанцев приходило с Западной Украины. В этом восстании участвовало 37 тысяч чел.

7 апреля 1630 г. в Баре коронный гетман Конецпольский издал универсал к шляхте, призывая ее спешить к коронному войску, чтобы общими усилиями подавить восстание и «гасить этот огонь хлопской кровью» [55]. Выступившая против восставших огромная польская армия во главе с Конецпольским разрушала на своем пути мирные украинские села и местечки. Сохранилось свидетельство, что, идя к Киеву, коронный стражник, староста Каневский и Овруцкий Самуил Лащ сжег местечко Лисенка, уничтожив там всех мужчин, женщин и детей, находившихся в церкви, а по дороге убивал всех встречавшихся украинцев. Каратели Лаща уничтожили также селение Дымер (на Киевщине) и другие населенные пункты [56].

Подтянув к Переяславу большие силы, Конецпольский обложил город. Однако осада подвигалась медленно, и шляхетские войска терпели

---

[53] Львовская русская летопись утверждает, что реестровых, присоединившихся к восстаниям, насчитывалось 4000 человек.

[54] На сейме 1631 г. коронный гетман Ст. Конецпольский объяснил причины восстания 1630 г. на Украине желанием казаков сноситься с Москвой и перейти в русское подданство (П. Жукович. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией, вып. VI, СПб., 1912, стр. 87).

[55] Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 44.

[56] Історія України в документах і матеріалах, т. III, стр. 87.

большие потери. Находясь под Переяславом, Конецпольский 18 мая 1630 г. выпустил специальный универсал, адресованный шляхте (людям «стану рыцерского»). Похваляясь «успехами» коронного войска против повстанцев, Конецпольский требовал новых подкреплений, приказывая находившимся в резерве отрядам немедленно присоединиться к главному войску и умоляя шляхту спешить к нему на помощь «для окончательного усмирения своеволия» [57].

Жестокая трехнедельная борьба под Переяславом закончилась 22 мая 1630 г. поражением польско-шляхетской армии. Сам Конецпольский едва не попал в плен. Об этом походе Конецпольского на Украину в Львовской русской летописи записано следующее: «1630. Гетман Конецпольский ходил за Днепр козаков зносити. Людей много стратил и сам ледве ся вынес, але предця гарматы им зоставил и познал що козаки!.. Поведают, же триста велце значных панов коронных згинуло; вшиткого войска до десяти тисячей згинуло» [58].

Польские летописцы безапелляционно заявляют, будто повстанцы были разгромлены; украинские же летописцы (Самовидец, Грябянка) держатся того мнения, что «казаки примиришися», получив обещания, что ни им ни поспольству впредь обид чинить не будут. Это находит документальное подтверждение в показаниях участника переяславских боев [59] и в донесениях царю русского сына боярского путивльца Григория Гладкого, ехавшего с важным поручением из Москвы в Киев. Не имея возможности проехать в Киев к митрополиту Иову Борецкому [60], Гладкий остановился в Переяславе и находился там во все время осады. Он утверждает, что за три недели было много боев «и на тех де боях черкасы поляков побивали, а на последнем де... бою черкасы у гетмана Конецпольского в обозе наряд взяли и многих поляков в обозе побивали, и перевозы по Днепру отняли, и поромы по перевозам пожгли. И после де тово бою гетман Конецпольский с черкасы помирился» [61].

Несмотря на то, что повстанцы оказались в гораздо более выгодном положении, зажиточная верхушка реестровой старшины отстранила Тараса Федоровича от гетманства и, предав интересы крестьян и рядовых казаков — участников восстания, пошла на сделку с Конецпольским. 8 июня между занявшей компромиссную позицию казацкой старшиной и Конецпольским было заключено Переяславское соглашение, по которому количество реестровых было увеличено на одну треть, а остальные пункты сохраняли в силе статьи Куруковского договора [62]. Тарас Федорович, опасаясь предательства со стороны реестровой старшины, по сообщению Г. Гладкого и других очевидцев, уехал в Черкасы, а затем в Запорожье [63].

[57] Архив Юго-западной России, ч. III, т. I, № LXXXIV.

[58] Русский исторический сборник, т. III, стр. 239. Эту победу повстанцев над коронным войском воспел великий украинский поэт Т. Г. Шевченко в своем произведении «Тарасова ніч». По некоторым данным, решающая битва произошла несколько позже — 22 мая 1630 г.

[59] Участник этих боев черниговец сын боярский Григорий Афанасьевич Рубчинский, перешедший в 1631 г. на русскую территорию, «в распросе» севскому воеводе сказал: «И в тое де, государь, пору запороские козаки ляхов побили... и ляхи де, государь, с козаками помирились...» (Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 63).

[60] Киевский митрополит регулярно информировал русское правительство о ходе восстания, отправляя свою корреспонденцию «с путивльцом с сыном боярским з Григорьем Гладким...» (т а м ж е, № 49).

[61] П. А. Кулиш. Материалы для истории воссоединения Руси, т. I, М., 1877, стр. 316.

[62] Т а м ж е, стр. 308—310; П. Жукович. Указ. соч., вып. VI, стр. 86—95.

[63] Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 63.

До настоящего времени исследователи считали, что после Переяславского соглашения борьба народных масс Украины против феодального и иноземного гнета прекратилась, по крайней мере, на несколько лет. Сейчас усилиями советских ученых извлечены из фондов отечественных архивов новые документы, которые решительно опровергают прежние суждения. Десятки тысяч участников восстания — крестьян, мещан и рядовых казаков, не попавших в реестр, не смогли и не хотели мириться с предстоящим возвращением в панскую зависимость. Они же решительно выступили против Переяславского соглашения с магнатами. Не признал соглашения и польский сейм, состоявшийся в январе 1631 г., хотя этого настойчиво добивалась зажиточная верхушка казацкой старшины. Сейм также отверг требование реестровых о прекращении гонений на православную религию и по королевскому предложению принял решение о необходимости военной оккупации Украины, «ввиду того, что казаки при подходящем случае легко могут впасть в привычное для них своеволие» [64].

Во второй половине декабря 1630 г. значительные силы шляхетских войск, численностью около 12 тыс. человек, начали военную оккупацию Украины «для того, чтобы... черкас посмирить». Они заняли Киев и прилегающие к нему районы, Переяславское, Нежинское и Крыловское староства, города Быково, Березань, Носовец, Носовку, Крылов, Девицу [65]. Казачеству было объявлено, что остается в силе Куруковский договор, сохраняется шеститысячный казацкий реестр и казакам строго запрещается устраивать морские походы.

Отказ сейма утвердить Переяславское соглашение и прекратить религиозные преследования и военная оккупация Украины вызвали недовольство не только выписчиков, но и реестровых казаков. Однако зажиточная верхушка казачества и на этот раз пошла на соглашение с панами. «Черкасы де лутчие люди,— говорил в своих показаниях путивльский торговый человек, посланный на Украину «для проведыванья вестей»,— хотят расписыватца, а мелкие де черкасы ж расписыватца не хотят» [66].

Участники восстания 1630 г.— крестьяне, мещане и казаки, которые после Переяславского соглашения разошлись по домам, узнали, что шляхетские войска «пришли опять на них», на казаков. «И казаки... запороские и черкасы сошлися опять в сход и стали в Черкасех, да в Переясловле, да в Каневе. А всево... козаков 15 000» [67].

Бывший гетман Тарас Федорович, находившийся в то время в Запорожье, обратился оттуда с воззванием к казакам и ко всему населению, призывая их, чтобы «против поляков стояли все, а на 6000 не выписывались» [68].

В городах Украины вспыхнуло восстание, центром которого стал Нежин. Насколько позволяют судить источники, это произошло в январе 1631 г. Несмотря на строгий приказ польской администрации, запрещавший населению городов доставку продовольствия запорожцам и пребывание их в городах, мещане пускали в города казаков, принимая их как братьев. Так, в Нежин жители пустили сперва около 2000 казаков, а со временем это число увеличилось до 6000 человек. Главной силой

---

[64] Там же, №№ 55, 57.
[65] Там же, №№ 61, 62, 65, 69.
[66] Там же, № 63.
[67] Там же.
[68] Там же, № 61.

нежинского восстания были мещане и нереестровые казаки («служивые всякие люди и мещане»).

Казаки, находившиеся в Нежине, организовали нападение на польский гарнизон города Носовки и уничтожили его. В марте 1631 г., когда коронное войско готовилось к наступлению на Нежин, запорожские казаки, находившиеся в городе, обратились за помощью к казакам других городов. Призыв этот нашел живой отклик. Казаки различных городов начали съезжаться в Нежин, где их собралось около 6000 человек во главе с полковником Иваном Бапиловек.

В начале марта к Нежину подступило около 2000 шляхетских войск, требуя пустить их в город. Мещане и казаки ответили отказом. Тогда коронное войско начало планомерную осаду города, продолжавшуюся несколько недель. За это время было произведено три сильных, но безуспешных штурма. Стремясь любой ценой сломить сопротивление нежинцев, польское командование подтянуло к Нежину все свои войска, находившиеся на Украине, присоединив к ним и реестровых казаков. Однако и последующие штурмы не принесли успеха шляхетскому войску, и оно отступило за Днепр [69].

Повстанцы готовились к новым выступлениям. «А в которых де, государь, городкех,— сообщал сын боярский Гр. Рубчинский,— запороские козаки жили по домам, и ныне де, государь, те все козаки ис тех городков идут в сход к гетману к Торасу и х козаком в город в Черкасы. А будет де, государь, их сила не возьмет против ляхов стоять за веру, и за то, чтоб им ис козаков не выписыватца, и козаки, де, государь, хотят, побрав норяд и всякие запасы, итить в Запороги, а из Запорог прийтить на Дон и с Дону посылати к Москве бити челом тебе..., чтоб ты, государь, пожаловал их велел им быти под своею государскою державою» [70].

Эти показания еще и еще раз доказывают безграничность стремлений народных масс Украины задолго до Освободительной войны 1648—1654 гг. к воссоединению с русским народом, в котором они видели своего защитника и верного союзника.

Борьба против шляхты в различных местах Украины не прекратилась в 1631 г. Крепостные крестьяне покидали своих панов и находили защиту среди казачества. Допрошенный в Разрядном приказе А. Бойков говорил: «Да которые де пахолки от панов, пограбя животы, бегают к черкасом, и черкасы де тех пахолков не выдают, и за то де у поляков с черкасы и бой был... да и ныне де черкасы, где которово поляка наедут в деревне или на дороге, и поимав ево, разстреляют ... Да и по ся места де черкасы в непослушанье и с поляки, что их хотят убавить, хотят битца» [71].

Происходили бурные казацкие рады, на которых принимались постановления о продолжении борьбы против шляхетской Польши, свергались гетманы реестровых — ставленники панов, выносились решения о переходе под власть России. 15 августа 1632 г. происходила рада в Черняховой Дубраве, на которой за соглашение с магнатами был отстранен от гетманства Иван Петражицкий-Кулага, избранный гетманом реестровых казаков летом 1631 г. и утвержденный польским королем. Вместе с гетманом были сменены и полковники. Был избран новый гетман, а также «и полковников иных же из чорных людей, которые де преж

---

[69] Воссоединение Украины с Россией, т. I, №№ 59, 63.
[70] Там же, № 63.
[71] Там же, № 69.

сево бились с поляки в прошлом в 138 году под Переяславлем», т. е. из числа участников восстания 1630 г.[72] Такие же бурные рады, где обсуждались аналогичные вопросы и принимались те же решения, произошли на Массовом Ставу[73] и в Корсуни[74], куда прибыли представители Киева, Переяслава, Чигирина «и изо всех городов». Очевидцы рассказывали, что «унейщиков», т. е. принявших унию, «в ту раду (Корсунскую.— *В. Ш.*) черкасы не пустили ни одного человека, чтоб они про их думу не ведали»[75].

В 30-х годах XVII в. притеснения польских панов и старост дошли до крайних пределов. При помощи казацкой верхушки была совершена свирепая расправа с нереестровыми казаками — участниками восстания 1630 г. Составлением реестра занимались полковники Тетеря и Сорока. Они придерживались королевских инструкций о шеститысячном реестре и включили в него только «лутчих людей», т. е. зажиточных, а остальные должны были вернуться на панщину. Реестровый казак Павел Григорьевич Худый на допросе в Разрядном приказе сообщил: «И тех де выметных черкас разобрали в городе урядники и насилованье де им чинят великое...»[76].

Невероятных размеров достиг социальный гнет. Во многих местах крестьянам не хватало времени для «своее домовое роботы»[77].

Расставленное на Украине кварцяное (постоянное) войско грабило украинское население, издевалось над ним и его обычаями. По приказу короля и католических епископов православные церкви и монастыри закрывались и передавались католикам и униатам. Знакомый уже нам Г. Рубчинской показывал в Разрядном приказе: «В Киеве де только у белорусцов служба в Печерском монастыре, а достальные де русские церкви в Киеве и около Киева во всех городкех запечатаны, а в иных церквах поделали костелы, а в иных поделали конюшни»[78].

Народные массы были доведены до отчаяния. Усилилось переселенческое движение из Украины в Россию[79].

Чтобы не допустить беглых с Украины в Запорожье, а запорожцам не дать организовывать морские походы против Турции и ходить на Дон, польский сейм в начале 1635 г. принял постановление о постройке на Днепре замка, «который военной силой, как пешими, так и конными людьми и военным снаряжением будет достаточно обеспечен».

Было запрещено также продавать запорожцам строительный материал для челнов, порох и оружие, а им самим заниматься рыболовством и охотой[80].

В июле того же года на правом берегу Днепра у Кодацкого порога (отсюда и название крепости — Кодак) была закончена постройка замка, в котором был поставлен гарнизон иностранных наемников. «А которые де запороские козаки из запорог и из городков хаживали на моря и на Дон мима тово городка, и тех де козаков и с тово городка заставные немцы побивали, а которых де козаков немцы имывали в языцех на боях, и теми де козаками в том городке деловали городовые всякие крепости и земляные осыпи»[81].

---

[72] Там же, № 72.
[73] Там же, № 61.
[74] Там же, № 74.
[75] Там же.
[76] Там же, № 65.
[77] Там же, №№ 66, 79, 80, 100 и др.
[78] Там же, №№ 64, 65, 67 и др.
[79] Там же, №№ 58, 59, 60, 71, 73 и др.
[80] Там же, № 83.
[81] Там же, № 92.

В августе 1635 г. около 2500 «выписчиков» во главе со своим атаманом Иваном Сулимой, возвращаясь с Дона, где они зимовали после совместного похода с донскими казаками под Азов, разгромили Кодак, уничтожили находившийся в нем гарнизон и захватили артиллерию. «...И за ними вышли из Литовских городков и с Переясловля в погоню письменные казаки» [82]. Это свидетельство современников решительно опровергает версию М. Грушевского о том, что Кодак был захвачен реестровыми казаками.

Подкупленная польскими панами старшинская верхушка реестровых обманным путем схватила Сулиму и его товарищей и отправила их в Варшаву, где они были четвертованы [83]. На рядовых участников разрушения Кодака также посыпались жестокие репрессии.

В конце 1636 г. против польских властей восстал Чигиринский полк. Бо́льшая часть его ушла в Запорожье, захватив с собой пушки из Киева. Симеон Окольский писал, что «неприятель (т. е. украинский народ.— *В. Ш.*), нимало не страшась королевского могущества, не только лишил коронные войска желанного покоя, но вновь поднял мятежную козацкую саблю, усмиренную было в Куруковском походе, угрожая всем польским гетманам, сенаторам и самому королевскому величеству» [84]. Вот как объясняли причину восстания русские послы в Польше: «Бой был у поляков с черкасы за то, что черкасы живут на шляхетцких именьях и городы и села поставили на их землях, а оброков им не платят. И они де их на то приводили, чтоб они жили под их волею, и гетманом бы у них быть кому король укажет. И черкасы де в их воле жить и дани им платить не похотели» [85].

Выступление Чигиринского полка послужило сигналом к широкому народному восстанию 1637—1638 гг.

Во главе восстания встал гетман нереестровых запорожских казаков Павел Михнович Бут, известный под именем Павлюка. Вместе с Сулимою он в качестве «соначальника» участвовал в разгроме крепости Кодак и лишь по счастливой случайности избежал казни в Варшаве. Сторонники Павлюка развернули агитацию против казацкой реестровой старшины, разоблачая ее предательскую роль в деле Сулимы. В конце мая или в начале июня 1637 г. Павлюк с войском напал на Корсунь, захватил там у гетмана реестровых Василия Томиленко войсковую артиллерию, все войсковые регалии и знаки гетманского достоинства, которые и увез на Запорожье [86]. По казацкой традиции, это означало, что Павлюк сбросил всю поставленную польскими панами казацкую старшину и взял власть в свои руки. Из Запорожья Павлюк выступил с выписчиками и стал лагерем у Крылова.

Реестровые казаки, не присоединившиеся к восстанию, избрали своим гетманом переяславского полковника Савву Кононовича.

С целью поднять на восстание широкие народные массы и захватить нового гетмана реестровых и его приверженцев Павлюк отправил в Переяслав сильный отряд в несколько тысяч человек во главе с полковниками Карпом Павловичем Скиданом и Семеном Быховцем. Павлюк послал с ними к переяславским казакам специальный универсал, в котором призывал их сплотить все силы для борьбы с угнетателями и выдать изменников, предавших Сулиму и других вожаков нереестровых [87].

[82] Воссоединение Украины с Россией, т. I, №№ 92, 93, 97.
[83] Там же, № 97; Мемуары, вып. II, стр. 313.
[84] Мемуары, вып. II, стр. 171.
[85] Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 115. См. также № 125.
[86] Мемуары, вып. II, стр. 171—172.
[87] Там же, стр. 172—173.

Переяславцы в своем большинстве присоединились к восстанию, выдав Скидану агентов польских панов — гетмана реестровцев Савву Кононовича, писаря реестровых Федора Окушкевича и других предателей. В начале сентября 1637 г. все они вместе с имуществом были доставлены к Павлюку, стоявшему тогда лагерем в местечке Боровица. По казацкому обычаю Кононовича и его сподвижников судили на войсковой раде, которая приговорила их к смертной казни; их имущество было роздано восставшим.

Развернувшееся на Украине крестьянско-казацкое восстание и казнь верных панам руководителей реестрового казачества вызвали серьезное беспокойство среди господствующего класса. По свидетельству Окольского, об успехах Павлюка донес коронному гетману Станиславу Конецпольскому переяславский реестровый казак Ильяш Караимович [88]. Он же выдал Конецпольскому двух сторонников Павлюка — казаков Смоляху и Ганжу. Эти последние, несомненно, под жестокими пытками, сообщили, как это уверяет Окольский, обширные сведения о ходе восстания, об отрядах повстанцев, о нападениях на шляхетские имения, «о великом смятении на Украине и по ту сторону Днепра, об опасности, грозящей шляхетским дворам и даже городам, о том, что многие [паны] бежали из своих имений, многие подверглись нападению и ограблению в своих замках и что впредь можно было опасаться еще худшего: огонь угрожает костелам, сабля — ксендзам и монахам; восставшие намереваются соединиться с донскими козаками и татарами, признать власть московского царя...» [89].

3 сентября 1637 г. (по н. ст.) Конецпольский издал в Баре универсал, адресованный «всем... панам старостам, державцам, подстаростам, наместникам и урядникам украинным», т. е. землевладельцам и польской администрации на Украине. В универсале панам предлагалось задержать всех участников восстания и доставить их коронному гетману, а примкнувших к восстанию реестровых исключить из реестра и лишить всех прав. «Если бы ваши милости,— говорилось в универсале,— не могли задержать их, то вы должны карать их жен и детей и дома их уничтожать, ибо лучше, чтобы на тех местах росла крапива, нежели размножались изменники его королевской милости и Речи Посполитой» [90].

Одновременно с рассылкой этого кровавого универсала Конецпольский направил посольство «к самому мятежнику Павлюку на Украину», намереваясь воздействовать на него угрозами. Послы Конецпольского Коморовский и Сокол нашли Павлюка в Чигирине. Они долго и старательно уговаривали и убеждали его «оставить свои замыслы», угрожая, что в противном случае это приведет к лишению казаков «всех вольностей, чести, имущества и к уничтожению на вечные времена самого имени запорожских козаков». Но Павлюк решительно и смело отверг требования Конецпольского. Со своей стороны и Павлюк отправил послов к Конецпольскому.

Отправляя обратно послов Павлюка, Конецпольский вручил им копию куруковских статей 1625 г., рассматривая их как незыблемые условия, на основе которых должно быть прекращено восстание. Оказавшихся в руках карателей видных участников восстания Смоляху и Ганжу, об освобождении которых ходатайствовали послы Павлюка, Конецпольский приказал обезглавить.

После этого Павлюк двинулся с войском к Лубнам, где 11 октября

---

[88] Там же, стр. 174.
[89] Там же.
[90] Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 108.

1637 г. издал и разослал по всей Украине универсал «Ко всему посполитому народу рода христианского, жительствующему в Украине (имеется в виду Поднепровье.— *В. Ш.*), за Днепром и по всей Северщине». «Дошло до нас,— писал Павлюк в универсале,— верное известие, что неприятель нашего христианского народа русского и нашей древнегреческой веры, ляхи, задумали зло, идут в Украину и за Днепр и хотят пролить кровь христианскую, учинить поругание над женами и детьми нашими и окончательно нас поработить». В связи с этим Павлюк призывал всех, «от мала до велика», покинуть свои занятия и собраться к нему для отпора шляхетским войскам. У Павлюка был план объединения с донскими казаками и признания власти России [91].

Универсалы, призывавшие к решительной борьбе с угнетателями, рассылал также один из виднейших руководителей восстания, ближайший сподвижник Павлюка полковник Карп Павлович Скидан, о котором современники говорили, что он был «как бы польным гетманом казацким», т. е. заместителем главнокомандующего вооруженными силами восстания. Большой интерес представляет универсал Скидана от 24 октября 1637 г., явившийся как бы дополнением к воззванию Павлюка [92].

Призывы Павлюка и Скидана организовать повстанческие отряды нашли живой отклик среди народных масс. Из среды крестьян и казаков выдвигались смелые и храбрые руководители, организаторы повстанческих отрядов.

В имениях подкормия черниговского Адама Киселя крестьяне восстали под руководством Мурки и Носка. В имении остерского старосты повстанцев возглавили крепостные Коростель и Пирог. В Ромнах восстали 10 тыс. крестьян. В Киеве действовал отряд Кизима, а в Лубенщине — его сына Кизименко. В Переяславе организовывал отряды полтавец Яков Острянин. В Гадяче, принадлежавшем самому Конецпольскому, к восстанию присоединились 2 тыс. человек. Восстание охватило также Нежинское воеводство, во главе которого стоял польный гетман Николай Потоцкий. Последний доносил в конце ноября королю с Украины, что «на Заднепровье все до единого показачились. Княжеские (И. Вишневецкого.— *В. Ш.*) города́ Ромны и другие дают большие купы своевольных, и все остальные без исключения, и мой Нежин тоже пристал к ним». Общее количество восставших на Левобережье превышало 20 тыс. человек.

Пользуясь замешательством в польском войске (в связи с несвоевременной выплатой жалованья жолнерам), крестьяне обмолачивали хлеб на токах и прятали для восставших зерно в ямах. Это было особенно важно вследствие поразившего Украину в 1637 г. неурожая.

Восстание все более разрасталось. Восставшие громили шляхетские имения и особенно владения крупнейшего магната Иеремии Вишневецкого. «Чернь, бездельные крестьяне, не внесенные в списки и непокорные из реестровцев,— пишет Окольский,— весьма довольные случаем, быстро образовали отряды, которые нападали на шляхетские дома, города и замки в украинных поместьях князя Иеремии Вишневецкого, возмущали крестьян против их собственных панов, оскорбляли уряды, запрещая повиноваться последним, а тем крестьянам, которые когда-либо состояли в казаках, приказывали снова вступать в их ряды, требуя под угрозою, чтобы их паны не препятствовали им в том» [93].

---

[91] Мемуары, вып. II, стр. 174.
[92] Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 109
[93] Мемуары, вып. II, стр. 176.

В какой форме повстанцы предъявляли свои требования панам, видно из следующего документа, адресованного 6 ноября 1637 г. Скиданом Адаму Киселю: «Ясневельможный милостивый пан, пан подкоморий черниговский. Свидетельствуя вам благорасположение нашего войска и готовность к услугам, пишу относительно товарищей войска Запорожского, проживающих в Девице, имении вашей милости, чтобы они, продавши свое имущество, как можно скорее прибыли к войску, чего им не возбраняйте, ибо они отбывали службу королю его милости, а между тем не вольны распорядиться своим имуществом. Полагаю, что ваша милость ни в чем не будете чинить им препятствий и не станете удерживать их, а я и войско готовы будем вознаградить за это» [94].

Современник утверждает, что «много таких писем послано было и к другим державцам». Последним повстанцы приказывали готовить для себя постой, доставлять одежду, оружие, порох, свинец и лошадей. Спасаясь от справедливого гнева восставших «подданных», паны бросали свои имения «и уходили проселочными дорогами». Так поступили подкоморий черниговский, староста остерский и другие феодалы.

2 ноября 1637 г. коронные войска по приказу короля двинулись в поход на Украину для подавления восстания. Во главе карательного войска стоял польный коронный гетман Николай Потоцкий, один из виднейших магнатов Польши и крупнейших землевладельцев на Украине. Потоцкий собрал огромную армию, состоявшую из шляхетских отрядов, жолнеров, наемных немецких и венгерских солдат, отрядов украинских панов и частью реестровых казаков.

Сбор войска Потоцкий назначил на 23 ноября. Сам он выехал из Летичева к войску в сопровождении Ильяша Караимовича и группы реестровых, хорошо знакомых с порядками в запорожском войске. Они-то и сообщали Потоцкому о местонахождении руководителей восстания и о расположении артиллерии восставших.

26 ноября Потоцкий, находясь в Билиловке, обратился с универсалом к реестровым казакам. Сообщая о том, что он с войском выступил на Украину с целью подавить восстание и принудить восставших к повиновению, Потоцкий под страхом сурового наказания потребовал от реестровых беспощадно расправиться с участниками восстания. «Знайте,— писал Потоцкий,— что в противном случае острая сабля королевских войск уничтожит ваши маетности, ваших жен, детей, имущество и самую жизнь» [95].

Свирепой расправы с восставшими требовал также универсал короля Владислава IV от 1 декабря 1637 г., адресованный городам и панской администрации. Король требовал от старост, чтобы они «как самолично, так и при посредстве своих урядов и наместников повсюду сурово карали смертью этих своевольников, конфисковали их имущества и с возможною быстротою и суровостью подавляли это своеволие, которое не ценит нашей милости и не заслуживает наших благодеяний, искореняли его мечом и самыми суровыми мерами везде, где оно появится» [96].

На универсал Потоцкого Скидан ответил, что «казаки уже не дозволят больше выписывать себя, уменьшать свое сословие, да дурачить себя комиссиями». Сам Потоцкий должен был признать, что народные массы «более верили универсалам Скидана, которые летали повсюду один за другим по местечкам, городам и селам», в то время, «когда универсалы гетмана не имели большого влияния».

[94] Там же.
[95] Там же, стр. 179.
[96] Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 110.

Выступая в Белой Церкви, которую Окольский называет «главным центром окрестных козаков и их полковников» [97], Потоцкий выслал вперед часть своих сил с артиллерией. Узнав о приближении Потоцкого с войском, основная масса белоцерковских казаков и мещан присоединилась к восстанию, покинула города и ушла в Черкасы. Только около 200 всадников, оставшихся «покорными», выехали навстречу Потоцкому. Последний принял их «милостиво», обещая дать охранные универсалы на имущество и освободить их от солдатских постоев и поборов.

Корсунские реестровые казаки сообщили Потоцкому, что не пристанут к восставшим, и просили его «ускорить наступление» во избежание новых «бунтов и массовых движений». Вследствие такого предательского поведения корсунских реестровых Скидан послал 29 ноября универсал в Корсунь и Стеблев, в котором призывал всех казаков восстать «против этих душманов наших и врагов веры нашей» и в полном вооружении «конно или пешо» явиться к нему в Мошны «для того, чтобы мужественно навстречу неприятелю встать» [98].

Одновременно, чтобы ввести в заблуждение гетмана Потоцкого, Скидан отправил к нему посольство с письмом, в котором он отрицал, «будто козаки подымают бунты, составляют шайки, нападают на замки и шляхетские дома» [99]. Однако Потоцкий был уже предупрежден Адамом Киселем и другими пострадавшими панами об антифеодальных действиях Скидана.

Тем временем повстанцы крупными отрядами собирались около Чигирина и Корсуня. Высланные Потоцким вперед разведывательные отряды донесли ему, что «шляхта и помещики уходят из своих имений по причине появления значительных казацких партий за Днепром, что полковник Павлюка Скидан собирал раду в Корсуни, но, опасаясь чего-то, ночью отступил к Мошнам, а также, что большая часть козаков каневских и стеблевских присоединяется к восставшим» [100]. Об этом гетман сообщил командирам частей и, приказав войску «со всею поспешностью и осторожностью направиться к Сахнову Мосту», сам выступил в Богуслав [101].

Выработанный польскими гетманами секретный план разгрома восстания заключался в том, чтобы захватить в степи казацкую артиллерию и уничтожить возглавляемых Павлюком запорожцев раньше, чем они соединятся с городами. Однако этот план провалился благодаря быстрому передвижению повстанцев и медлительности королевских войск. В связи с этим Потоцкий принял решение направить восставшим грамоту с требованием полного повиновения. Одновременно он выслал 1/11 декабря к Корсуню и Богуславу сильный разведывательный отряд под командой коронного стражника известного шляхетского разбойника Самуила Лаща. В Корсуне восставших уже не оказалось,— там осталось только немного изменников из числа реестровых. В тот же день к Богуславу, где находился Потоцкий, подошло много новых панских и казацких реестровых хоругвей, полки Жолкевского и коронная артиллерия. На следующее утро пришли хоругви короля, великого коронного гетмана Конецпольского и многих магнатов. Потоцкий немедленно выступил с этими частями и артиллерией к Корсуню. После прибытия Потоцкого в корсунскую крепость Лащ с авангардом двинулся вперед к Сахнову

---

[97] Мемуары, вып. II, стр. 181.
[98] Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 111.
[99] Мемуары, вып. II, стр. 183.
[100] Там же, стр. 191.
[101] Там же, стр. 192—193.

Мосту и остановился на ночлег в селе Нетеребах над Росью. Захватив там несколько десятков повстанцев, Лащ всем отрубил головы.

Наутро Потоцкому были доставлены два языка, сообщившие, что один из видных вожаков восстания Коростель стоит в Драбовке за Росью с отрядом в полторы тысячи человек, что вскоре там ожидается Павлюк с артиллерией и что Скидан находится в Черкасах. Через некоторое время в Корсунь прибыл Лащ, сообщивший Потоцкому о приближении повстанцев. В связи с этими донесениями Потоцкий отправил несколько хоругвей к Драбовке. Только накануне прибытия польских войск там заперлись 2000 казаков. Несмотря на превосходящие силы и лучшее вооружение карателей, казаки, вооруженные одними самопалами, стойко защищались, хорошо использовав для обороны болота и рвы, окружавшие Драбовку.

В ночь на 5/15 декабря Потоцкий прибыл в лагерь под Кумейки, подтянув к месту предстоящего сражения значительные силы свежих войск. Первое крупное столкновение карателей с восставшими произошло 5 декабря под Мошнами, где находился уже Павлюк, прибывший туда с 4000 запорожцев. Авангард Лаща не устоял в бою. Понеся потери в живой силе, он отступил под покровом ночи к Кумейкам (7 км от Мошен), где уже находился Потоцкий с главными силами.

В связи с этим боем Павлюк направил старшине, поспольству и казакам, находившимся в Домонтове, универсал, в котором сообщал о поражении Лаща. «Настала ночь,— говорилось в универсале,— поэтому нам трудно было гнаться за ними. Но с рассветом будем преследовать неприятеля. Вас же просим и приказываем именем Войска и под страхом строгой кары пусть каждый, кто называет себя товарищем нашим, тотчас подымается за веру христианскую и золотые вольности наши, которые мы кровью заслужили. А сколько в тех городах, т. е. Корсуне и других, опустошено церквей, а в селах вырезано детей и женщин! Поэтому вторично просим вас и приказываем, чтобы застали нас в Мошнах» [102].

Разгромленный под Мошнами авангард коронных войск под командованием Лаща поспешно отступал к Кумейкам. Восставшие по пятам преследовали отступавших. При всем своем презрении к повстанцам Окольский так описывает их наступление из Мошен к Кумейкам: «Наступление крестьян представляло весьма внушительное зрелище: они шли табором, построенным в шесть рядов, с четырьмя орудиями на челе, двумя по бокам и двумя при конце, а в середине между возами шло войско в количестве 23 000, правильно разделенное на полки и сотни; их нельзя было упрекнуть в отсутствии сообразительности и искусства» [103].

Несмотря на достигнутый успех, положение восставших было тяжелым. В Мошнах восставшие хорошо укрепились, но, выйдя из города, они оказались на открытой равнине перед Кумейками, лишенной естественных преград. Порывистый ветер дул в глаза повстанцам, принося с собой густой дым от подожженной жолнерами соломы, которой было много в тесно застроенных Кумейках. Численность восставших была почти в полтора раза меньше панского войска. По признанию самого Потоцкого, войско Павлюка насчитывало немногим больше 10 тыс. чело-

---

[102] Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 112.

[103] Мемуары, вып. II, стр. 199. Приводимые Окольским данные о численности повстанцев преувеличены почти в $2^1/_2$ раза. Окольский делает это умышленно, чтобы сгладить впечатление о поражении королевских войск.

век; карателей же было 14 тыс. [104] К тому же восставшие в большинстве своем были людьми мирного труда, а Потоцкий располагал профессиональными и хорошо обученными воинами. Повстанцы, не в пример неприятелю, были плохо вооружены: значительная часть их не имела ружей и была вооружена лишь рогатинами, косами и секирами. При всех этих недостатках армия Павлюка, даже по признанию врага, наступала «смело и сердито».

Армия Потоцкого заняла позицию вблизи Кумеек на протяжении полумили. Левый ее фланг был защищен расположенными в десять рядов возами, охранявшимися полком венгерской пехоты. Правый фланг опирался в непроходимое болото; стояли в полной боевой готовности пехотные полки с артиллерией. Павлюк начал наступление на правый фланг Потоцкого, но не смог переправиться через болота и поэтому повел свой табор в направлении левого фланга. Когда восставшие достигли центра польского войска, Потоцкий, построив часть сил своих «лавою», преградил им дальнейшее движение. Павлюк принял бой.

Сражение при Кумейках повстанцы начали стрельбой из пушек и самопалов. Под прикрытием дымовой завесы Потоцкий выдвинул вперед драгунские хоругви, подкрепленные артиллерией, из которой производили, по описанию Окольского, «продолжительную и грозную стрельбу». Усилила огонь и артиллерия восставших. Чтобы укрепить свой табор, построенный только в шесть рядов, Павлюк приказал перестроить его, удвоить прежние ряды и создать табор в 12 рядов. Потоцкий приказал прорвать табор повстанцев в том месте, где возы еще стояли в шесть рядов. Это оказалось, однако, нелегким делом. Под ударами хотя и слабо вооруженных и не искушенных в военном деле восставших крепостных панские хоругви несколько раз вынуждены были отступить. На штурм табора повстанцев Потоцкий посылал все новые и новые хоругви. Только ценою больших потерь панам удалось прорвать табор восставших. Перечисляя фамилии погибших в этой атаке шляхтичей, Окольский признает, что «ни одна из хоругвий, проникших в табор, не вышла оттуда совершенно без потери». Сам Потоцкий признавал, что восставшие дрались с необычайной храбростью: «кому не хватало оружия, били жолнеров оглоблями и дышлами».

Проявляя необычайное мужество, восставшие выбили жолнеров из табора и вновь сомкнули его. Тогда Потоцкий приказал части войск прорваться в обоз Павлюка и поджечь находившийся там порох. Во время порохового взрыва иностранная пехота обошла табор восставших и стала обстреливать его центр с тыла. Одновременно на табор непрерывно наступали свежие силы вражеской пехоты.

Ожесточенный бой продолжался до полуночи. Участник боя утверждает, что под Кумейками было «слишком много пролито шляхетской крови» [105]. Особенно большие потери понесли наемные иностранные вой-

---

[104] Эти данные находят подтверждение в русских источниках. Так, свидетели событий казаки Кузьма Васильев с товарищами, бежавшие после подавления восстания 1637 г. в Севск, сообщили о бое под Кумейками: «А было де козаков на том бою 10 000, а норяду было с козаками 8 пушек... А поляков де было против козаков с похолками, и с немцы, и с козаками, которые козаки предались к поляком, с 15 000» (Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 113). Окольский сообщает, что у Потоцкого было 6000 польского войска и 8000 реестровых корсунских и белоцерковских казаков (см. Мемуары, вып. II, стр. 194, 206).

[105] Окольский, утверждая, что потери коронных войск под Кумейками составили несколько сот человек, пишет затем: «Впрочем, сумма потерь была гораздо значительнее, так как многие хоругви не представили своих списков и потери их не внесены в общий реестр» (Мемуары, вып. II, стр. 204). Участники этого боя утверждали, что

ска. Многие шляхтичи — старые и испытанные воины — признавались Потоцкому, что «никогда не бывали в столь продолжительном и сильном огне и не видали такого множества трупов в одном месте».

С наступлением ночи восставшие еще раз сомкнули свой табор и под руководством полковника Дмитрия Тимофеевича Гуни в организованном порядке, отбивая атаки превосходящих сил врага, начали медленный отход к Мошнам, а оттуда — в направлении на Черкасы и Боровицу. Павлюк, Скидан и другие руководители восстания уехали вперед к Черкасам с целью организовать новые отряды повстанцев.

На следующий день после сражения при Кумейках польские войска двинулись к Мошнам, но Павлюка и его войска там уже не было. В замке оставалось немного людей, не причастных к восстанию, и некоторое количество больных казаков. Кроме того, несколько здоровых казаков скрывалось в погребах. Никого из них каратели не оставили в живых.

Чтобы перехватить у Черкас отступавшие войска Павлюка, Николай Потоцкий послал вперед своего брата Станислава Потоцкого со свежими хоругвями, не участвовавшими в бою под Кумейками. Командиру передового отряда было приказано, в случае если повстанцев в Черкасах не окажется, спешить к Боровице и приковать их там к месту до прибытия главных сил карательной панской армии.

9/19 декабря к Черкасам выступил Н. Потоцкий с главными силами. Впереди следовал коронный стражник Лащ. «Но когда войско пришло к Черкасам,— рассказывает Окольский,— город пылал огнем так, что опасно было останавливаться в нем»; в результате пожара «уцелели лишь немногие дома близ замка» [106]. Из Черкас польское войско вместе с артиллерией выступило к Боровице, где уже находился Павлюк. Он рассчитывал перейти на левый берег Днепра, укрепиться там и увеличить свои силы за счет восставших в Левобережье, однако поспешно наступавшие неприятельские полчища отрезали восставшим путь на левый берег, где стояли в сборе 8000 повстанцев-казаков.

В Боровице Павлюк имел при себе всего 2000 казаков при трех пушках и шести гаковницах, взятых им в Черкасах. Повстанцы оказались окруженными со всех сторон шляхетскими войсками. Восставшие оказывали панам решительное сопротивление, отстреливались и возводили сильные укрепления. Паны свирепствовали, поголовно истребляя всех шедших на помощь Павлюку. Они построили укрепления, опоясали город окопами, отрезали воду, чем поставили окруженных в невероятно тяжелые условия. Повстанцы были «доведены до крайнего отчаяния», свидетельствует Окольский, и запросили «пощады». В ответ им были посланы королевские универсалы, ознакомившись с которыми «чернь оцепенела от ужаса», как пишет Окольский.

Чтобы еще больше ухудшить и без того отчаянное положение осажденных, Потоцкий приказал обстрелять Боровицу артиллерийским огнем, чем был вызван пожар внутри города. В то же время в самом лагере восставших начались несогласия, инициаторами которых были реестровые и агенты польских панов [107]. Реестровые начали сеять панику и потребовали переговоров с панами. Представитель противной стороны Адам Кисель пригласил Павлюка, Василия Томиленко, Сахно Черняка, Чечугу и Ивана Лихого якобы для переговоров, но как только они

потери коронных войск достигали почти 3000 убитыми (Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 113).

[106] Мемуары, вып. II, стр. 206—207. Окольский замалчивает тот факт, что Черкасы, как и другие города, были сожжены войсками Потоцкого. Об этом свидетельствует Боплан (там же, стр. 302).

[107] Русский исторический сборник, т. III, стр. 258.

удалились от лагеря восставших, их вероломно схватили и отправили в Варшаву, где, по решению сейма, их предали мучительной казни [108]. В живых остался Скидан, находившийся тогда в Чигирине.

14 декабря состоялась рада реестровых казаков. Проводил ее уполномоченный польного гетмана Адам Кисель. Он отобрал у казаков знаки достоинства их гетмана — булаву, знамя, бунчук и печати, назначил им полковников, есаулов, судей и войскового писаря. Затем реестровым казакам был навязан договор, по которому во главе реестрового войска был поставлен известный своей преданностью панам Ильяш Караимович. Ему было приказано в присутствии польских комиссаров составить список реестровых и привести их к присяге. Казаков обязали сжечь морские чайки и «выселить из Запорожья всю чернь, которая превышает число установленной там стражи».

Старшина выдала на расправу панам командира повстанческого отряда Куша и активного повстанца Сачка, обещая разыскать ушедшего в Запорожье Скидана, а также всех «бунтовщиков разыскать и покарать» [109].

Потоцкий торжествовал победу. Он был уверен, что опасность миновала и Украина «успокоена». Гетман распустил свое войско: одну часть он отослал обратно за Днепр на зимние квартиры, другую часть с пушками и пленными направил в Киев, а третью — к Муравским шляхам «на зимние квартиры с приказом всюду подавлять восстание».

Торжество Потоцкого было, однако, преждевременным. Измена старшины реестровых и гибель Павлюка вовсе не означали окончательного подавления восстания. Убедившись в измене старшины, выписчики ушли на левый берег Днепра; вместе с ними ушел и Гуня. Еще в тот момент, когда старшина реестровых покорно приносила присягу в верности Речи Посполитой, стало известно, что всего в четырех милях от Боровицы, в Ирклееве, находится четырехтысячное «крестьянское ополчение» сотника Кизима, который послал своего сына Кизименко в Лубны за пушками, гаковницами и людьми. Кизименко и Дукренко подняли новое восстание на Лубенщине. Их отряды в третий раз за время этого восстания овладели центром огромных владений И. Вишневецкого — городом Лубны (в первый раз город захватил Скидан, во второй раз — Кукла и Скребец). Повстанцы сожгли замок Вишневецкого и уничтожили много шляхтичей. Стало также известно, что за Днепром Скидан собрал новые повстанческие отряды численностью не менее пяти тысяч человек.

Против новых очагов восстания Николай Потоцкий направил карательные экспедиции во главе со своим братом Станиславом и другими панами. Наступила тяжелая пора «пацификации» («умиротворения») Украины. Королевский универсал требовал «огнем и мечом» искоренить восстание. Каратели с неслыханной жестокостью расправлялись не только с восставшими, но и с мирным населением. Сам Николай Потоцкий с главными силами выступил сперва против отряда Кизима и разбил его, а затем направился к Переяславу, все уничтожая на своем пути, «а по его примеру,— пишет Окольский,— и сами паны наказывали своих непокорных подданных то смертью, то лишением имущества».

Возвращаясь в свои поместья, Потоцкий приказал по всему пути своего следования от Ирклеева (Полтавщина) до Нежина (Черниговщи-

---

[108] См. Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 115.

[109] Присяга старшины реестровых под Боровицей от 14/24 декабря 1637 г. была внесена в городские книги Владимирские 20 февраля 1638 г. за № 40, л. 390 об. (Архив Юго-западной России, ч. III, т. I, № 101).

на) поставить «для страха» виселицы с болтавшимися на них трупами восставших. В Нежине Потоцкий казнил местного руководителя восстания Пирога и пять его товарищей. Из Нежина Потоцкий уехал в Киев, где приказал посадить на кол руководителей восстания Левобережья — Кизима и Кизименко, а полковника Куша обезглавить (январь 1638 г.). «Не для чего иного приехал я в Нежин,— доносил Потоцкий Конецпольскому,— как для того, чтобы видеть этих злодеев на кольях собственными глазами... Если бы я казнил всех виновных так, как они заслуживают, то пришлось бы все Приднеприе и Заднеприе без изъятия вырубить в пень. Но казнь немногих поразит ужасом толпу. Расставив по дорогам сторожами перекрестков десять сотен казненных, я покажу на них пример сотне тысяч. Теперь такое время, что из них можно вылепить что угодно, как из воску, чтоб уж больше это зло не появилось в недрах Речи Посполитой» [110].

Участники восстания — крестьяне и казаки — спасались со своими семьями от расправы панов бегством в Запорожье, на Дон, в Путивль, в Севск и другие русские города, уходя «в его государеву сторону и на вечную службу». Спасшиеся от панской расправы передавали жуткие подробности о жестоких истязаниях и массовых убийствах, совершенных польской шляхтой на Украине [111]. Эта жестокая расправа польской шляхты с украинским населением получила в официальной русской переписке название «черкаской погром» [112].

Массовым террором Потоцкий стремился запугать народные массы Украины и привести их в покорность. Однако расставленные по дорогам сотни виселиц с болтавшимися на них изуродованными трупами не запугали украинский народ, и восстание вспыхнуло с новой силой.

V

Стремясь не допустить в дальнейшем народных восстаний на Украине и обеспечить «спокойствие» шляхте, главный коронный гетман Конецпольский приказал Н. Потоцкому расквартировать постоянное (кварцяное) войско среди населения Приднепровья и Левобережья Украины.

Горячо одобряя эту меру, Окольский указывает, что всегда следует остерегаться «усмиренного неприятеля», особенно такого, как запорожские казаки, которые выдерживали и отражали натиски татарских полчищ, умеют претерпевать голод, жажду и все невзгоды и с неутомимым трудолюбием воздвигают могучие голландские батареи, парапеты, валы и шанцы. Рассматривая Украину как вражескую страну, а поспольство и казаков — как «мятежников», шляхетский идеолог считал размещение солдат среди населения лучшим средством предупреждения и «дальнейшего усмирения крестьянского восстания на Украине».

Жолнеры пришли на Украину в неурожайный год. Они были расквартированы в городах и поветах Козельском, Бориспольском, Басанском, Березанском, Гоголевском, Яготинском, Остерском, Нежинском, Борзянском, Прилуцком, Варвинском, Сребрянском, Красноколядинском, Конотопском, Любецком, Березинском, Менском, Сосницком, Коранском, Кролевецком, Лубенском, Лукомском, Лохвицком, Пирятинском, Чигиринском, Дубровском, Роменском, Переяславском, Гадяцком, Миргородском и других [113]. Занимая населенные пункты, жолнеры по своему произволу

[110] П. Кулиш. Отделение Малороссии от Польши, т. I, стр. 236.
[111] См. Воссоединение Украины с Россией, т. I, №№ 113—115, 122, 124, 125.
[112] См. там же, № 125.
[113] Летопись событий..., т. IV, стр. 135.

распоряжались имуществом украинских крестьян и казаков, совершали всяческие бесчинства, насиловали женщин, безнаказанно убивали стариков и детей.

По требованию провинциальных шляхетских сеймиков и на основании их предложений о мерах для предупреждения «своеволия казаков» в феврале 1638 г. варшавский сейм принял постановление, носившее название: «Ординация войска запорожского реестрового, состоящего на службе Речи Посполитой». В «Ординации» шляхетский сейм прежде всего подчеркнул силу и размах народных восстаний на Украине. «Своеволие казацкое,— говорилось в постановлении сейма,— оказалось столь разнузданным, что для его усмирения пришлось двинуть войска Речи Посполитой и вести с ними войну», в результате чего «Речь Посполитая спасена от опасности». В связи с этим сейм уничтожил «на вечные времена все льготы, доходы, право на суд и на выбор старшин, которыми они (казаки.— *В. Ш.*) пользовались». Количество реестровых казаков было определено в 6 тыс. человек, остальные же казаки должны были быть «обращены в хлопов», т. е. вернуться в крепостное состояние.

«Ординация» упразднила должность гетмана, вместо которой устанавливалась «должность старшего комиссара». Последний должен был назначаться королем на каждом сейме по рекомендации коронных гетманов не из среды казаков, а из лиц «шляхетского сословия». На комиссара возлагались обязанности «управлять всем казацким войском, предупреждать его бунты, оказывать правосудие обиженным (т. е. панам и шляхте!— *В. Ш.*) и по приказу коронного гетмана являться с войском в означенные сроки и место». Комиссар должен был принести специальную присягу королю и Речи Посполитой. Комиссару должны были подчиняться есаулы, полковники, сотники и все войско, которое вместе с комиссаром подчинялось коронному гетману. Есаулы и полковники должны были назначаться «из шляхтичей, известных непоколебимою верностью» Речи Посполитой. Сотники и атаманы могли избираться из казаков, но доказавших свою преданность королю и Речи Посполитой.

Полки реестровых казаков обязаны были по очереди нести сторожевую службу на Запорожье, затруднять татарам переправы через Днепр, препятствовать сосредоточению нереестровых («своевольных скопищ») на днепровских притоках и островах и мешать им отправляться в морские походы. Находившихся на Запорожье беглых с Украины предписывалось арестовывать и казнить. Осуществление этого требования возлагалось на губернатора Кодака. В «Ординации» подчеркивалось, что реестровые казаки получат известные льготы, но со своей стороны они «не должны вмешиваться в дела, к ним не относящиеся. Особенно же не должны причинять ущерба... доходам (королевским.— *В. Ш.*)»; за этим строго должны были следить комиссары и полковники.

Была выделена комиссия, которая обязана была «определить на вечные времена места казацкой оседлости», поскольку всякие перемещения приносят вред Речи Посполитой и ущерб королевским доходам. Казакам запрещалось селиться в отдаленных украинских городах и приобретать в них имущество. Местожительство казаков ограничивалось Черкасами, Чигирином, Корсунем и некоторыми другими пограничными городами, «где присутствие их необходимо для защиты края от татар, чтобы таким образом устранились поводы для скопища бунтов».

Мещанам и их сыновьям запрещалось записываться в казаки и выдавать своих дочерей замуж за казаков «под опасением конфискации имущества».

С целью расколоть боевые силы украинского народа и превратить

реестровых в верных и покорных слуг, в «Ординации» указывалось, что «реестровые казаки не должны испытывать никаких притеснений — ни личных, ни имущественных» [114].

Секретная инструкция сейма предписывала создание при комиссаре особой «гвардии» для борьбы с восстаниями и восстановление Кодака, где должен был стоять сильный гарнизон.

Для захвата Запорожья в начале марта 1638 г. был послан крупный отряд реестровых под начальством ротмистра Мелецкого, получившего чин королевского комиссара. Прибыв к Микитиному Рогу, Мелецкий послал запорожцам письмо, обещая им «милость» короля и панов гетманов, но требуя вместе с тем, чтобы казаки присягнули «на верность» и вернулись на Украину; в противном случае Мелецкий угрожал расправой с их семьями, оставшимися на Украине. Казаки порвали письмо, а послов Мелецкого заковали в цепи. Тогда Мелецкий решил применить силу. Но запорожцы во главе с Гуней разгромили отряд Мелецкого, после чего реестровцы перебежали к запорожцам. Сам Мелецкий еле спасся.

Из донесения русских послов в Польше выясняются неизвестные до сих пор подробности этого события. Мелецкий требовал от запорожцев выдачи «четвертова черкасского атамана, Павлюкова товарыща», т. е. Скидана, и послал для этой цели к запорожцам «сотника да дву товарыщей своих шляхтичей». Но запорожцы «того сотника и шляхтичей переимали и приковали к пушкам. А с вестью выслали к Мелецкому тех шляхтичей пахолка, а приказали с ним: покаместа их, черкас, мочь будет, по та места они за веру и за свои головы, которых король и вся Речь Посполитая побили безвины, будут против поляков стоять; а Мелетцкому велели сказать: только ево достанут самово, и ему де у них быть так же прикованy. И Мелецкой де осердился, ходил на черкас, и черкасы Мелетцкого побили и хоругви поимали, а сам де Мелецкой з бою ушол в Бар городок... А было де в те поры черкас в собранье, как побили Мелецкого, с 6000» [115].

В донесении от 1 марта 1638 г. Мелецкий жаловался наместнику гетмана на Украине Станиславу Потоцкому, что с помощью казаков столь же трудно воевать против украинского народа, «как пахать волками». Мелецкий советовал Потоцкому установить посты, чтобы не пропускать по Днепру к запорожцам продовольствия и подкреплений, поскольку «те, которые кочуют на Запорожье, являются вожаками всего своеволия». В заключение он просил немедленно сообщить обо всем польному гетману Николаю Потоцкому, «чтобы своевременно предупредить это своеволие, подавить его и установить в стране порядок и спокойствие» [116].

Со своей стороны Ильяш Караимович разослал по городам письма к реестровым, требуя, чтобы они не допускали бегства людей на низовья Днепра и на Дон. Станислав Потоцкий в многочисленных универсалах угрожал конфискацией имущества и смертной казнью каждому, кто станет отправлять в Запорожье муку и другие необходимые казакам продукты.

Невероятных размеров достиг шляхетский террор. За малейшее подозрение бросали в тюрьму. В Нежине, где была расположена ставка гет-

[114] В русском переводе «Ординация» опубликована в Мемуарах, вып. II, стр. 286—288 и в сб. «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 149; на польском языке — в «Volumina legum», т. III, СПб., 1859, стр. 440.

[115] Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 115.

[116] Історія України в документах і матеріалах, т. III, № 77.

манского наместника, три тюрьмы были переполнены «подозрительными». Имущество участников восстания конфисковалось и передавалось карателям [117].

Чтобы расправиться с запорожцами за разгром отряда Мелецкого, в первой половине марта выступили в Запорожье коронные войска в числе около 1000 чел. и 4000 реестровых под командованием С. Лаща и Ильяша Караимовича. Целью этого похода, как свидетельствовали запорожец Сергей Михайлов с товарищами, являлось «вывесть казаков и достальных из Запорог в Литовские (т. е. украинские.— *В. Ш.*) городы под панскую праву». Но по дороге в Сечь за Крыловом, на Желтых Водах, «казаки запорожские, сложася с татары», разбили карательное войско, так что едва одна треть его спаслась [118].

Тем временем гетманом на Запорожье был избран популярный среди казаков полковник Яков (Стефан Криштоф) Острянин, который во время восстания 1637 г. организовывал повстанческие отряды на Полтавщине. После восстания Острянин был занесен польскими властями в списки лиц, подлежащих розыску и казни.

Собираясь снова поднять восстание и двинуться из Запорожья, Острянин проделал значительную подготовительную работу. Были отправлены послы просить помощи у донских казаков для борьбы с панами. Обращение Острянина к донским казакам, как в свое время обращение к ним Павлюка, было не случайно. Донские казаки не раз вместе с запорожцами совершали в первой четверти XVII в. морские походы на турецкие берега. Призыв Острянина, как и просьбы Павлюка, не остался без ответа: донцы прислали ему на помощь отряд казаков.

Чтобы поднять народные массы на восстание, было разослано из Запорожья много агитаторов. Они шли на Покутье, Подолию, Волынь, разносили письма и грамоты в города и наиболее известные православные монастыри, рассказывали обездоленным людям о зверствах панов, о новой народной силе, подымающейся на борьбу с ними.

В Запорожье собирались силы повстанцев. Полковник запорожских казаков Иван Злый с отрядом в 700 казаков около 20 февраля отправился из-под Чигирина в Запорожье. Об этом узнал С. Лащ, который вознамерился перехватить отряд в пути и уничтожить его. «В крепких местах в лесу» Лащу удалось задержать и окружить казаков. Последние загородились, разложили костры, а сами незаметно ускользнули из лагеря, зашли противнику в тыл, нанесли ему значительные потери в живой силе и захватили 300 лошадей. Запорожский полковник Иван Коростель показал 19 марта в Путивле, что Иван Злый, которого он называет казацким гетманом, послал в Борзну к Станиславу Потоцкому четырех человек «с угрозою о том, чтоб ждали оне, ляхи, к себе гостей их, запорожских казаков, к великому четвергу или к великодню мстить им за то, что оне, ляхи, после присяги своей побивают их, имаючи по городом и по дорогам, и животы их грабя, и жон их муча» [119].

Перед выступлением из Запорожья на Украину Острянин издал 20 марта 1638 г. универсал, где описывал неслыханный социальный и национально-религиозный гнет, который испытывали украинские народные массы под игом польских панов. Острянин сообщал «всему поспо-

---

[117] 22 марта (1 апреля) 1638 г., например, король Владислав IV выдал жалованную грамоту шляхтичу Мацею Доманскому, рядовому из хоругви С. Лаща, на право владения конфискованным движимым и недвижимым имуществом руководителя восстания киевских казаков Яцка Острянина и Яхна Жилинского (Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 120).

[118] Там же, №№ 116 и 125.

[119] Там же, №№ 115, 116, 122, 128.

литому народу малороссийскому», что он выступил из Запорожья «з войском на Украину Малороссийскую для видвигненя (освобождения.— *В. Ш.*) вас, народа нашего православного, от ярма, порабощения и мучительства тиранского ляховского и для отмщения починеных обид, разорений и мучительских ругательств... всему поспольству рода Руского в Малой Росии, по обоим сторонам Днепра мешкаючого» (живущего.— *В. Ш.*). Острянин призывал широкие массы украинского народа присоединиться к запорожцам, когда они прибудут на Украину, а пока тайно готовить коней, оружие, боеприпасы и продовольствие. Острянин убеждал проявлять бдительность, беречься и опасаться, как ядовитой змеи, реестровых казаков, которых он называет выродками, отщепенцами, людьми, заботящимися только о личных выгодах, врагами и истинными губителями родины, думающими «об упадке отечества» [120].

Призыв Острянина нашел живой отклик на Украине. Восстание охватило не только восточную Украину, но и Волынь, Галичину и Подолию. В Ромнах население подняло восстание против находившихся в городе реестровых казаков [121]. В начале апреля 1638 г. Острянин выступил с запорожцами на Украину. «Одни приготовляют порох,— рисует Окольский сложившуюся к тому времени обстановку,— другие поставляют людей, деньги и провиант; уже устроили свою больницу в Трехтемирове; Межигорский монастырь шлет им благословение и Печерский воздает честь; на водах уже готовы переправы... Он выходил уже из степей и вступал в заселенную область, но тайком и украдкою, чтобы о нем не знали, ибо силы его были еще малы» [122].

Узнав о выступлении запорожцев из Сечи, Станислав Потоцкий, находившийся тогда в Нежине, поспешил с жолнерами и реестровыми к Срибне, чтобы встретить Острянина в степи, разгромить его и не допустить вглубь Украины. Но этот план потерпел крах.

Запорожцы двигались двумя колоннами: одна во главе со Скиданом направилась сухопутным путем, по правому берегу Днепра, на Чигирин; другая, двигавшаяся по Днепру на лодках под водительством Острянина, заняла Кременчуг и ближайшие пункты — Максимовку, Пиву, Черную Дубраву и разбила местный польский гарнизон. Из Кременчуга Острянин двинулся с войском через Хорол и Омельник к Голтве (при впадении реки Хорол в реку Псел), занял позицию между Голтвой и Пслом и укрепился в самом городе. В то же время отряд атамана Сухого расположился в Жовнине над Сулой. Полковник Гуня, овладев перевозами через Днепр в Кременчуге, Максимовке, Бужине и Чигрин-Дубраве (или Черной Дубраве), стремился занять и другие переправы, чтобы разъединить вражеские силы. Шляхта опасалась, как бы восставшие не овладели коронной артиллерией, находившейся в Киеве.

Голтва находится на одинаковом расстоянии от Полтавы и Кременчуга. В то время она имела хорошие естественные укрепления; с двух сторон ее омывали реки Псел и Хорол, а окружающая местность изобиловала обширными болотами и лесами. Не только замок, но и весь город были обнесены крепким частоколом и надворотными башнями. От замка через реку был перекинут всего один мост. Вдоль реки у города тянулись

[120] Летопись событий..., т. IV. До опубликования в летописи Величко универсал Острянина был издан П. Кулишем во втором томе «Записок о Южной Руси» в 1857 г. Тогда Кулиш назвал универсал «драгоценнейшим документом» (Записки о Южной Руси, т. II, стр. 293). Но прошло 7 лет, и Кулиш в статье «Польско-казацкая война 1638 года» без всяких оснований объявил этот универсал «поддельным документом».

[121] Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 128.

[122] Мемуары, вып. II, стр. 219. В конце апреля, по свидетельству С. Величко, у Острянина было 12 000 войска (Летопись событий..., т. IV, стр. 205).

глубокие овраги и заросли. Не довольствуясь природными укреплениями, восставшие возвели перед городом от одной реки до другой крепкий вал и обратили находившийся перед валом курган в сильный редут, на котором поставили артиллерию.

25 апреля (ст. ст.) 1638 г. польское войско и реестровые под командованием Станислава Потоцкого подошли к Голтве, где часть реестровых присоединилась к восставшим. Не имея возможности пробиться к Голтве через передовой редут восставших, Потоцкий насыпал против него свой вал; он устроил перед ним три окопа, за которыми расположил свой обоз.

Для пробного наступления Потоцкий создал крупный передовой отряд, состоявший из двух полков немецкой пехоты, нескольких тысяч реестровых и хоругви Мелецкого[123]. Этот отряд должен был построить мост против городских ворот и захватить близлежащий замок. Когда по построенному мосту начали переправляться немцы и реестровые во главе с Ильяшем, чтобы ворваться в город, восставшие встретили их усиленным ружейным огнем и тотчас же подожгли мост. Понеся потери, противник отступил.

С наступлением ночи Потоцкий приказал навести мост через Псел, чтобы утром начать новое наступление. Со своей стороны, Острянин приказал части своего войска по оврагам и трущобам зайти полякам в тыл с двух сторон, отрезать им путь к отступлению и до рассвета атаковать иностранную пехоту. В тылу у польской конницы восставшие поставили на дорогах столбы, навалили ветви и устроили засады в котлованах. К утру 6 мая мост, который строил противник, еще не был готов.

При этих условиях полки иностранной пехоты оказались отрезанными от коронного войска, и им пришлось принять бой в очень густом, болотистом лесу. Когда этим полкам удалось подойти вплотную к валам, за которыми находились повстанцы, то отряды, поставленные Острянином в засаде, вышли из лесных оврагов, зашли неприятельской пехоте в тыл и почти полностью истребили ее. Жолнеры не оказали немцам никакой помощи, да и при желании не могли это сделать, так как все проходы были завалены или крепко оборонялись людьми Острянина[124].

Кроме иностранной пехоты, сильно пострадала польская конница, не имевшая возможности развернуться в условиях лесистой местности. В этот день, по свидетельству украинского летописца Самойла Величко, поляки потеряли $3^1/_2$ тыс. человек, причем среди погибших насчитывалось большое количество командного состава[125].

Участник этого боя, польский войсковой капеллан, считал одной из причин поражения Потоцкого под Голтвой пренебрежительное отношение многих шляхтичей к повстанцам, в которых они видели своих пастухов и батраков. Капеллан вынужден был признать несправедливость такого отношения. «Хотя в среде казацкой,— говорит он,— нет ни князей,

---

[123] Величко пишет, что он «в рукописном козацком летописцу» вычитал, что в обоих полках насчитывалось 9800 человек. Он упрекает Окольского за то, что тот не назвал численности этих двух полков, стыдясь писать правду о победе войска Острянина над более многочисленным противником (Летопись событий..., т. IV, стр. 200).

[124] Величко высмеивает Окольского, утверждавшего, что иностранная пехота якобы выдерживала натиск восставших до самого вечера, пока «им недостало пуль» (Мемуары, вып. II, стр. 223). Ссылаясь на «летописец козацкий», Величко утверждает, что оба немецких полка были уничтожены раньше, чем у них закончились боеприпасы, поскольку из 9800 человек добралось до обоза живыми едва полтораста «в едних тилько кошулях» (Летопись событий..., т. IV, стр. 202). См. также некоторые подробности боя в сб. «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 132 (показания реестрового казака Владимира Лаврова).

[125] Летопись событий..., т. IV, стр. 205.

ни сенаторов, ни воевод, с которыми солдат мог бы померяться в битве, зато есть такие люди, что если бы не препятствовали тому составленные против плебеев законы, то среди них нашлись бы достойные назваться равными по храбрости Цинциннату, который от плуга был призван в диктаторы, или Фемистоклу» [126].

Потерпев поражение под Голтвой, Станислав Потоцкий быстро отвел остатки своей армии на северо-запад к Лубнам, т. е. к центру огромных владений могущественного магната Иеремии Вишневецкого на Левобережной Украине, где были расположены военные силы Речи Посполитой со складами оружия и продовольствия. Лубны к тому же были стратегически важным узлом многих дорог. Острянин учитывал выгодное положение Лубен и решил помешать Потоцкому закрепиться на намеченных им позициях [127]. Для этой цели он предпринял преследование стремительно отступавшего противника.

Победа Острянина под Голтвой освободила от панского гнета всю крайнюю юго-восточную Украину — территорию между Пслом и Ворсклой. Через эти земли Острянин мог свободно общаться с запорожскими и донскими казаками, а также со Слободской Украиной, входившей в состав Русского государства и ставшей за последнее время убежищем и опорным пунктом украинских повстанцев.

После разгрома под Голтвой шляхта вместе с польской администрацией бежали в Лубны и на правый берег Днепра. Ряды повстанцев непрерывно увеличивались [128]. Чтобы охранять переправы и не допустить перехода польских войск с правого берега на левый, повстанцы направили отряд в 500 человек к Днепру.

Острянин надеялся, что по пути к нему присоединятся отряды восставших и донских казаков, которые шли ему на помощь. Надежды Острянина были вполне обоснованы. Значительные силы восставших под руководством Скидана были собраны в Чигирине, оттуда должно было подойти к Лубнам несколько отрядов. Один из этих отрядов, которым командовал путивлец Мурка, состоял из донских казаков, людей опытных в военном деле, смелых и решительных, готовых до конца драться с угнетателями [129]. Отрядом чигиринцев командовал Секирявый. Со стороны Киева должны были подойти новые отряды, организованные Соломой и другими вожаками.

Однако, подойдя к Лубнам, восставшие оказались в крайне невыгодных условиях. Отступавшая армия С. Потоцкого успела расположиться лагерем под Лубнами и укрепиться над рекой Сулой, причем река и мост через нее были в тылу польской армии и в случае необходимости она могла отойти к Лубнам на крутой берег Сулы. Армия Потоцкого успела отдохнуть и пополниться за счет подошедших подкреплений — конницы И. Вишневецкого и других шляхетских отрядов. Не давая Острянину возможности принять боевой порядок и укрепиться, Потоцкий сразу начал бой. Острянин оказался вынужденным начать битву, имея утомленное войско и без подкреплений, которые не подоспели. Уже под огнем противника он должен был выбирать боевые позиции, выпрягать лошадей и устраивать табор.

---

[126] Мемуары, вып. II, стр. 225.

[127] Участник этих событий утверждает, что Потоцкий обманным образом предложил повстанцам прийти к Лубнам «бутто для миру» (Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 132).

[128] Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 132.

[129] Интересен отзыв врага об отряде путивльца Мурки: «Полк этот своеволием и мятежным духом превосходил почти все остальные и в состав его, между прочим, входили опытные в военном деле донские казаки...» (Мемуары, вып. II, стр. 226).

Бой начался артиллерийской и ружейной перестрелкой с обеих сторон. Пользуясь превосходством сил и хорошо укрепленными позициями, Потоцкий предпринял окружение противника. В то время как он с коронным войском наступал с фронта на табор и артиллерию Острянина, реестровые казаки, возглавляемые Ильяшом Караимовичем, укрывшись в устроенные ими «гуляй-города», чтобы обезопасить себя от выстрелов, наступали на повстанческое войско с флангов. Восставшие оказались в чрезвычайно трудном положении, но они героически сражались. Много раз табор восставших оказывался разорванным, но, напрягая все свои силы, они снова и снова восстанавливали положение, мужественно отражая бешеные атаки врага. Бой длился целый день и весь вечер 6 мая, но Потоцкий, несмотря на значительное превосходство в силах, не смог добиться перевеса над восставшими. Наконец Потоцкий отвел свои войска, чтобы начать новое наступление и атаковать «лавою» всю продольную линию табора Острянина. Пользуясь сумерками и густым дымом от артиллерийской стрельбы, Острянин выпустил на «гуляй-города» реестровых и иностранную пехоту почти всех своих лошадей без всадников. Реестровые и наемники приняли густую массу бешено мчавшихся лошадей за новое нападение повстанцев и в течение двух часов отбивались от мнимого противника непрекращавшейся ружейной стрельбой. Острянин использовал это время для того, чтобы отвести свой табор в более безопасное место. Бой прекратился поздней ночью из-за темноты [130].

Потоцкий намеревался с утра следующего дня возобновить бой и уничтожить повстанцев. Однако восставшие, пользуясь ночной темнотой и проявляя огромную выдержку, переправились через топи и болота, незамеченными оторвались от противника и скрылись в неизвестном направлении. Острянин отвел восставших вверх по р. Суле и укрепился под Жовнином.

Не обнаружив утром 7 мая войска восставших, Потоцкий послал в разведку две хоругви коронных войск и несколько сот реестровых, приказав им уничтожить мост под Миргородом. Отряд Потоцкого по пути натолкнулся на какое-то войско и вернулся обратно. Как потом выяснилось, это войско состояло из повстанческих отрядов, которыми командовали путивлец Мурка и кременчужанин Репка.

Потоцкий решил воспользоваться тем обстоятельством, что Мурка еще не знал об уходе Острянина из-под Лубен, и навязать ему бой в невыгодных для него условиях, в открытой и безводной степи. Высланные вперед хоругви завязали бой с войском Мурки и, отступая, привели его к столкновению с главными силами Потоцкого, значительно превосходившими силы повстанцев. Несмотря на это, Мурка решил не отступать, а принять навязанный ему неприятелем бой. Повстанцы быстро окопались и насыпали вал, за которым устроили табор. Поскольку войско Мурки заняло позиции в открытом поле, где не было никаких

[130] Несколько другую картину боя под Лубнами нарисовал реестровый казак Владимир Лавров: «И как... черкасы появилися на поли меж речки Салоницы и реки Сулы, и полковник де Потоцкой Станислав со всеми своими польскими людьми и с листровыми казаки пошол против запорожских черкас. И черкас де в ту пору ляхи на бое побили многих, и бой де был меж их большой. И черкасы де ляхов сперли, гнали до Лубен и побили де ляхов многих. И ляхи де многие свой табур пробежали мимо к городовому мосту, что под Лубнами на реке на Суле, и мост де ляхи обломили, и в реке де многие ляхи потанули. И черкасы де стали табуром на поли под Лубнами меж рек Сулы и Солоницы, а ляхи де сели в осаде в Лубнах». Лавров утверждает, что под Лубнами было 12 тыс. повстанцев (Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 132). По другим данным, их было 15 тыс. человек (там же, № 135).

естественных преград, Потоцкий, чтобы отрезать ему пути отступления, окружил его со всех сторон и начал усиленный обстрел табора с последующими беспрерывными атаками. Повстанцы стойко отражали все вражеские атаки. Бой длился целый день. Зной, жажда и голод истощили силы восставших. В таборе было много убитых, непрерывно раздавались стоны раненых людей. Не считаясь со значительными потерями, Потоцкий к исходу дня повел свои хоругви в стремительную атаку. Обессиленные повстанцы не были в состоянии оказать сопротивление. Лагерь восставших был прорван. Окольский утверждает, будто в этот момент повстанцы изъявили покорность, обещали разойтись по домам и выбрать себе нового старшего. Но Потоцкий, обещав «милосердие», потребовал выдачи Мурки и Репки, а повстанцам приказал остаться на службе под начальством Ильяша Караимовича. 9 мая были выданы Мурка и тяжело раненный Репка, после чего разъяренные жолнеры ворвались в табор и устроили беспощадную резню повстанцев. Из двух тысяч человек спаслось всего около сотни [131].

Гибель отряда Мурки и Репки не оказала влияния на общий ход восстания, которым был объят весь район Сулы, Хорола и Псла. Только в одних Ромнах к восстанию примкнуло 10 тыс. крестьян. К восстанию присоединились также работники будов Вишневецкого, которых много было в голтвянских лесах. В Миргороде Острянин нашел большой запас селитры и изготовил много пороха. В Чигирине и Черкасах созданием запасов боевого снаряжения и продовольствия руководил Скидан. На правом берегу Днепра повстанческие отряды под предводительством Соломы и Саввы Киевлянина захватили города Ржищев, Терехтемиров, Триполье, Стайки и др. Это помогло Острянину уничтожить все переправы по Днепру. Восстание охватило также тылы польской армии — Левобережье Украины и Северщину. В начале июня четырехтысячный отряд повстанцев напал на владения киевского подстолия Максимилиана Брезовского, в то время, когда он отправился в армию Потоцкого. При нападении на имение и замок пана Брезовского в Триполье повстанцы забрали продовольственные запасы, скот, движимое имущество, уничтожили юридические документы [132]. Отряд подстаросты черниговского, выступившего против восставших, был разгромлен, и сам он погиб. В это же время Скидан и Быховец с отрядами в 3000 человек неоднократно нападали на Переяслав с целью уничтожить укрепившихся там и поддерживавших связь между Лубнами и левым берегом Днепра реестровых казаков. Связь польского лагеря с Переяславом, Пирятином и Прилуками была нарушена. Массы восставшего крестьянства шли к Острянину из Уманщины. Потоцкий доносил, что восставшие «рассыпались по городам и по всей Украине, давая знать об успехах борьбы с поляками, призывая собираться и бить панов». Весь правый берег Днепра до самого Киева находился в руках восставших народных масс. Отряд запорожских казаков Нестера Бардаченко напал на Киев и заставил его гарнизон запереться в крепости; лишь неожиданный приход польской армии спас гарнизон от разгрома.

Яркую картину развертывания восстания на Украине рисует Львовская русская летопись: «А на Украине козаки броили и ляхом деспекти чинили, немцов, як мух били ..., мнихов в костелех палили едны, а другие гумна молотили ездячи, стада займовали, мяса до бочок солили, живность себе готовили, а потом, подъехавши под ляцкий обоз, вшитки

[131] Мемуары, вып. II, стр. 229—234.
[132] Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 140.

коне займили...» [133]. Величко также свидетельствует, что «мужики, оставивши отечество и к ним (восставшим.— *В. Ш.*) присовокупившися, зело умножили» [134]. Заготовки продовольствия, которые делали повстанцы, имели важное значение в неурожайный 1638 год.

Правительство и военное командование Речи Посполитой приняли срочные меры к подавлению восстания. Войску были объявлены значительные льготы, жалованье было выдано раньше срока и т. д. С. Потоцкий, не имея достаточно сил, чтобы преследовать Острянина, отправил в различные стороны карательные отряды. Один из таких отрядов во главе с ротмистром Хржонстовским 27 мая обнаружил казаков, плывших вверх по Днепру. Желая помешать им продвигаться вперед, каратели разъезжали верхом по берегу реки и вели перестрелку с казаками, однако задержать их так и не удалось.

По приказу короля, на Украину спешил польный гетман Николай Потоцкий. К Лубнам подходили свежие и хорошо вооруженные отряды магнатов и шляхты. В начале июня к лагерю Станислава Потоцкого подошли гусарская кавалерия, казацкая артиллерия и отборная пехота общей численностью более 4 тыс. человек с 15 пушками. Только отряд князя И. Вишневецкого насчитывал полторы тысячи человек (в том числе 100 венгерских наемников) и 6 орудий с полным комплектом боеприпасов.

В то время как неприятель концентрировал и пополнял свои силы, Острянин допустил крупную ошибку, свойственную многим руководителям крестьянских восстаний. Намереваясь организовать нападение на польский лагерь, находившийся в Лубнах, и помешать присоединению к нему отрядов Вишневецкого, Острянин вместо концентрированного удара главными своими силами рассредоточил их. Он выслал вперед крупный отряд, по сторонам разослал сильные сторожевые отряды, а сам остался с небольшой частью войск на правом берегу болотистой и трудной для переправы речки Слепород между Яблоневом и Лубнами.

Этим воспользовались душители восстания. Крупные свежие силы коронных войск 31 мая напали на лагерь при Слепороде. Острянин отбивался весь день, а ночью ушел в Лукомль на р. Суле (в 25 км от Лубен). В ту же ночь, вскоре после ухода Острянина, к Слепороду подошел полуторатысячный отряд повстанцев во главе с Секирявым. Это был старый казак, опытный воин, участник морских походов и известный руководитель повстанческих отрядов. Желая рассмотреть, кто находится в лагере, Секирявый отошел от своих и залез на высокий дуб. Его заметили реестровые; они окружили его, схватили и выдали Вишневецкому. Если верить Окольскому, то реестровые «были так довольны, как будто держали уже самого Острянина» [135]. Люди Секирявого, потеряв командира, не сдавались. Они отошли в болота и заросли, устроили засеки и изгороди. Попытка реестровых добить их в засеках оказалась безуспешной. На следующий день, по приказу С. Потоцкого, проводились беспрерывные атаки на изнуренных повстанцев, но они упорно оборонялись, нанося врагу большой урон. Под натиском превосходившего их во много раз противника осажденные отходили вглубь болот и различными путями пробирались к Острянину [136].

---

133 Русский исторический сборник, т. III, стр. 258.

134 Летопись событий..., т. IV, стр. 16.

135 Мемуары, вып. II, стр. 238.

136 По некоторым данным, Острянин, узнав о гибели Секирявого и поражении его отряда, решил отступить к Ромнам, а оттуда перейти на территорию Русского госу-

Для преследования Острянина С. Потоцкий выслал несколько хоругвей, поставив перед ними задачу захватить переправу и мост на р. Суле. Однако этот авангард был разбит восставшими и, по признанию самого врага, едва добрался до Лубен. Для захвата моста был выслан еще один отряд, но безрезультатно. Только главным силам С. Потоцкого удалось овладеть мостом, уже подожженным повстанцами. С приближением коронных войск Острянин отошел к городу Жолнину, преследуемый неприятелем. Следует отметить, что Острянин отступал в полном порядке и своими непрерывными переходами стремился измотать войско неприятеля.

На рассвете 3 июня С. Потоцкий своими главными силами настиг на правом берегу Сулы сильно утомленное крестьянско-казацкое войско. Острянин избрал прекрасную позицию между Сулой и ее левобережным притоком. Местность эта была с трех сторон окружена водою, болотами и зарослями. Оставалось укрепить фронтальную линию, устроить табор и окопаться, чтобы сделать позицию неприступной. Но враг успел помешать Острянину. Развернулись военные действия невиданных до сих пор размеров. Лучшие хоругви Вишневецкого, Потоцкого, Четвертинского и других магнатов ворвались в лагерь Острянина, разорвали его надвое, захватили весь запас пороха, четыре пушки и продовольствие. Неожиданность нападения, превосходство противника в численности и вооружении внесло в начале боя расстройство в ряды повстанцев. Часть пехоты отошла в болото. Острянин с частью конницы переправился вплавь через Сулу и ушел в Слободскую Украину [137].

дарства, но масса повстанцев потребовала, чтобы он пошел вниз по Суле ближе к Запорожью (Історія України в документах і матеріалах, т. III, № 78).

[137] Об этих последних боях, проведенных Острянином, см. также рассказ участника — миргородского казацкого сотника Григория Кудри (Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 135). Вместе с Острянином перешли на «вечную службу» в Русское государство его сын, а также войсковой есаул, войсковой дьяк, 10 сотников, 9 пятидесятников, 102 десятника, 887 рядовых казаков, два священника. Кроме казаков, с Острянином пришли еще мещане и крестьяне с семействами, общей численностью свыше 3000 человек. По пути следования в Путивль гетман и полковники Василий Боговцев и Онуфрий Попов объявляли населению, что кто желает идти в Русское государство «на вечную службу, и они б шли бесповоротно на вечное строенье без всякого сумненья». Русские власти отвели пришедшим для поселения Чугуево городище (ныне город Чугуев в Харьковской области), наделили их землей, огородами, всякими угодьями, лесами, оказали помощь для первоначального обзаведения, выдали им оружие, порох, свинец. Уже 21 февраля 1639 г. белгородский воевода П. Пожарский доносил о постройке чугуевских укреплений. Через некоторое время (после февраля 1641 г.) Острянин был убит недовольными им казаками (Воссоединение Украины с Россией, т. I, №№ 135, 145, 153, 178, 195, 196; Д. И. Б а г а л е й. Материалы для истории колонизации степной окраины Московского государства, Харьков, 1886, № 4, стр. 15—16).

Почти одновременно с Острянином пришли в Путивль с миргородским сотником Григорием Кудря жители Миргорода, Гадяча, Зенкова и «собралося де запорожских черкас з женами и з детьми со 300 человек, да мещан и пашенных людей тысячи з две и больши з женами ж, и з детьми, и со всеми животы» (Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 135). 11 июня в Белгород пришло свыше 4000 украинцев (т а м ж е, № 136).

Воспользовавшись крестьянско-казацким восстанием на Украине, в июне 1638 г. ушли в Путивль несколько тысяч жителей Гадяча — «подданных» И. Вишневецкого, а также монахи и крестьяне Прилукского, Густынского и Лубенского Мгарского монастырей, монахини и работники Покровского Лидинского монастыря с большим количеством рогатого скота, запасом продовольствия и монастырским имуществом (т а м ж е, № 125, 137).

К русским пограничным властям поступали многочисленные требования от представителей польского командования и польской администрации на Украине о выдаче им беглых казаков, мещан и крестьян. Однако русские воеводы решительно отклоняли все эти требования (т а м ж е, №№ 114, 144, 146, 147 и др.).

Уход Острянина не вызвал паники среди восставших, которые дрались весь день с беспримерным мужеством. Остановив наступление противника, часть повстанцев под руководством полковников Кудря и Романа Пешты восстановила свой табор и замкнула его. Проникшие ранее внутрь его неприятельские хоругви оказались в крепком окружении. Только сильный ружейный огонь и отчаянные усилия войска Вишневецкого, трижды штурмовавшего табор, помогли окруженному неприятелю с трудом выбраться с большими потерями из табора. По свидетельству очевидцев, бой в окружении принял ожесточенный, «кровавый характер». Мемуарист, участник этого боя, писал: «Погибло так много товарищей, рыцарства кварцяного и панского, что, взявшись за перо, нельзя вспомнить о них без горького сожаления» [138].

Часть повстанцев, оказавшаяся вне главного табора и преследуемая противником, сумела окопаться на Суле, в том месте, где река делает крутую петлю в виде полумесяца, образовала там новый табор, опять приняла участие в сражении и до утра создала шанец от воды до воды.

Гетманом после ухода Острянина был избран известный казацкий полководец Дмитрий Тимофеевич Гуня, который под Кумейками удачно отвел,— после прорыва,— лагерь восставших к Боровице и оттуда вместе со Скиданом ушел в Запорожье, где был избран кошевым атаманом.

Будучи избран гетманом, Гуня 3 июня, несмотря на решительное наступление противника, сумел восстановить боевой порядок среди повстанцев, выдержал бой до вечера, вернул пушки и в течение ночи окружил табор окопами. На следующий день, 4 июня, повстанцы закончили сооружение вала. Шляхетские отряды продолжали наступление на табор. Чтобы выиграть время, повстанцы согласились начать переговоры. Послам Потоцкого они предъявили следующие предварительные требования: 1) выдать им Ильяша Караимовича и пять других видных руководителей реестровцев, 2) дать им новые знамена, 3) возвратить им пушки, отнятые у них под Кумейками, и 4) утвердить старшим кого они выберут. Эти условия рассматривались как предварительные, после принятия которых повстанцы согласились продолжить переговоры. Возражения послов не были выслушаны до конца, и им было предложено немедленно удалиться.

В это время в таборе повстанцев стало известно, что Скидан, которого Острянин послал в Чигирин за подкреплением и припасами, уже переправляется через Днепр и в ночь на 5 июня должен прибыть. Так оно и произошло. Но об этом узнал и С. Потоцкий. Чтобы помешать соединению с Гуней отряда Скидана, Потоцкий выслал против последнего четыре кварцяных хоругви и Ильяша с реестровыми. Отбиваясь от вражеских войск, Скидан спешил соединиться с Гуней, однако после удаления от Днепра основной массы отряда Скидана реестровые изрубили оставленные им челны и истребили стражу.

К шляхетскому войску подошло подкрепление, и С. Потоцкий начал 6 июня новое наступление на крестьянско-казацкий лагерь. В этом бою был тяжело ранен Скидан. Он был отправлен в Чигирин, но реестровые, узнав об этом, выследили Скидана и выдали его врагу.

Отряд Скидана, а также другие, более мелкие отряды, приходившие с освобожденной от шляхты территории, значительно укрепили основные силы повстанцев. 10 июня к Терехтемировскому монастырю подошел повстанческий отряд в 250 челнов с 1000 чел. конницы. Узнав об

---

[138] Из реляции ротмистра Хржонстовского С. Конецпольскому от 14 июня (н. ст.) 1638 г. (Історія України в документах і матеріалах, т. III, № 78); Мемуары, вып. II, стр. 241.

этом, Гуня в ночь с 11 на 12 июня построил мост и, отбиваясь от нападения противника, перевел свое войско на устье реки Старец, впадающей в Днепр, куда еще раньше была отправлена значительная часть обоза.

Лагерь на новом месте был так укреплен, что иностранные инженеры, которые находились в польском войске, удивлялись находчивости и изобретательности Гуни. «Не один инженер,— пишет очевидец,— дивился изобретательности грубого хлопа и его искусству в такого рода сооружениях, глядя на прочные валы, шанцы, батареи и брустверы; и точно, если бы коронному войску... удалось проникнуть в их рвы, перекопы и норы, собственною грудью проломить дубовые палисады и частоколы и мужественно пройти валы и привалки, необходимо было бы, овладев неприятельским окопом, употребить еще больше сил и новой отваги на то, чтобы его самого (т. е. войско Гуни.— *В. Ш.*) добыть внутри этих укреплений» [139].

Переходя на новые боевые позиции, Гуня рассчитал, что он сумеет войти в окоп над Старцем и укрепиться там раньше, чем подоспеет туда противник. Однако Гуня не знал, что за несколько дней до этого в Киев прибыл польный гетман Николай Потоцкий с большим количеством войска. Оставив по пути обоз и артиллерию, Н. Потоцкий с одной конницей примчался в Переяслав, где расправился с восставшими, а 12 июня неожиданно появился перед новым лагерем над Старцем в то время, когда значительная часть крестьянско-казацкого войска еще не вошла в укрепление и не приняла боевого порядка; она, однако, оказала Потоцкому упорное сопротивление.

К вечеру подошла армия С. Потоцкого. Она ежедневно усиливалась за счет многочисленных шляхетских отрядов пехоты, драгун, гусар. Приходили отряды бискупов, ксендзов, старост, воевод. Отряды коронного гетмана Конецпольского, а также сильный отряд коронного стражника С. Лаща заняли позиции на правом берегу Днепра, чтобы не допустить подкреплений к лагерю Гуни. «Итак,— пишет Окольский,— мятежные крестьяне ежедневно наблюдали из окоп прибытие новых полков (польских.— *В. Ш.*), между тем как сами они не получали никакого подкрепления» [140].

Все попытки гетмана Потоцкого захватить лагерь штурмом не увенчались успехом. Тогда он решил взять восставших измором. Потоцкий приступил к планомерной осаде. Ежедневно и беспрерывно он вел артиллерийский и ружейный обстрел окопа восставших, чтобы заставить их израсходовать весь свой порох. Для более удобной и прицельной стрельбы по табору Гуни Потоцкий приказал устроить батарею из дубовых бревен с земляным блокгаузом, на вершине которого были установлены пушки.

Чтобы лишить восставших подкреплений, Потоцкий разослал во все стороны отряды, рассеивавшие крестьян, спешивших на помощь осажденным. Каратели сжигали близлежащие села и уничтожали мирное население. В письме к Потоцкому Гуня решительно протестовал против творимых им зверств в отношении мирного населения. Он указывал, что гетман прибыл со всем своим войском, вероятно, для того, чтобы вконец истребить местное население, что разъезды издеваются над безвинными людьми [141].

Зверства по отношению к населению и жестокий обстрел окопа на Старце были рассчитаны на деморализацию повстанцев. Однако, несмотря на все лишения, осажденные не теряли бодрости духа и предпринимали

---

[139] Мемуары, вып. II, стр. 243.
[140] Там же, стр. 247. См. также Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 143.
[141] Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 139.

чрезвычайно смелые ночные и дневные вылазки, в результате которых шляхетские войска несли большие потери. Одна из смелых вылазок была произведена осажденными в ночь на 12 июля и едва не привела к разрушению батареи и блокгауза противника.

Все же положение осажденных становилось с каждым днем все более тяжелым. Отряды Саввы Киевлянина и других, шедших на помощь к осажденным, были разбиты. Нехватало хлеба, запас продовольствия иссякал, весь дневной паек состоял из куска конины. Перед осажденными стояла задача: или пробиться из окопа, или же пополнить свои запасы и дальше выдерживать осаду. Для того и другого нужно было время.

Гуня проявил себя не только как талантливый военный, но и как незаурядный дипломат. Он затеял с Потоцким переписку, главной целью которой было оттянуть время. Руководитель восстания стремился вбить клин между польским командующим и реестровыми. Говоря о реестровых как о предателях, изменивших своим товарищам, Гуня указывал Н. Потоцкому, что нет гарантии, что они не изменят и полякам. Гуня выставлял требование о сохранении старых казацких прав и вольностей, зная, что Потоцкий не уполномочен отменить решение февральского сейма 1638 г. В одном из писем Гуня писал: «...Мы готовы умереть и все до последнего сложить свои головы скорее, нежели принять такой мир, как под Кумейками»; нужен такой мир, продолжал Гуня, «чтобы мы не терпели больше таких бед и притеснений и вновь могли оставаться при первых, издавна добытых нашими кровавыми заслугами правах и вольностях наших», чтобы это был мир «без угнетения как для нас самих, так и для бедных неповинных людей без пролития крови» [142].

Учитывая значительные потери, которые шляхетское войско несло убитыми и ранеными, а также наличие большого количества больных, Потоцкий согласился направить к осажденным посольство. Шляхетские послы пытались доказать осажденным, что польный гетман не может нарушить «Ординацию», которая к тому же якобы составлена в интересах казачества. Осажденные не спешили с ответом. Чтобы сделать их более сговорчивыми, Н. Потоцкий назначил на 25 июля, т. е. на 44-й день осады, генеральный штурм окопа.

К валам укрепления была направлена вся пехота — коронная и магнатско-шляхетская — и кавалерия. Вся артиллерия вела усиленный огонь по окопу. Реестровые Ильяша вели прицельный огонь по осажденным. Со своей стороны осажденные применяли различные военные хитрости. Выйдя из окопа и заняв позиции, они при наступлении шляхетских войск поворачивались в направлении окопа, стреляли в него, чтобы жолнеры принимали их за реестровых. Когда неприятельские хоругви проходили дальше, повстанцы начинали стрелять им в спину, и те оказывались под огнем с фронта и тыла. Залегая за бруствером под валом, осажденные допускали солдат поближе, расстреливая их с близкой дистанции. Перед окопом было вырыто и замаскировано множество круглых ям, куда попадали кони штурмующих. Бой продолжался целый день; противник понес большие потери и не добился никакого успеха.

В ходе боя осажденным стало известно, что 27 июля к ним должен присоединиться отряд полковника Филоненко с большим количеством продовольствия и пороха. Для сбора этих запасов Филоненко был послан еще Остряниным по селам Чигиринского, Черкасского и Корсунского поветов. Осажденные готовились к встрече отряда Филоненко. Они вытащили на верхние валы пушки, порох и ядра и тщательно охраняли валы,

---

142 Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 139.

чтобы дать филоненковцам возможность безопасно продвигаться у их подножья к воротам окопа.

Отряд Филоненко, состоявший из нескольких тысяч человек отборного войска [143], двигался в челнах по Днепру к окопу, держась подальше от берега, чтобы не подвергнуться неожиданному вражескому нападению. Источники дают различное описание присоединения Филоненко к главным силам повстанцев. По Окольскому, отряд Филоненко дважды подвергся жестокому нападению шляхетских войск: первый раз — когда он находился еще в челнах (причем конница Лаща якобы нанесла ему большое поражение), и второй раз — при входе остатков отряда в укрепление [144]. Величко указывает, что Окольский о Филоненко «написал ложь явную» и «велми разминулся з правдою». Где, спрашивает он, это видано, чтобы кавалерист мог рубить плывущего в лодке? Украинский летописец утверждает, что Филоненко без потерь и со всем запасом продовольствия пришел в ночное время к окопу Гуни и только при входе в окоп ему пришлось выдержать сильный бой. Чтобы препятствовать соединению отряда Филоненко с осажденными, Н. Потоцкий бросил в бой все наличные свои силы, в том числе и охрану, сторожившую находившихся в плену 70 активных участников восстания, которых в ту же ночь казнили.

Гуня вышел с осажденными навстречу Филоненко, который, по словам летописца, «з великим препятствием от поляков» вошел в окоп. Жестокий бой длился с полуночи до утра. По данным Величко, в этом кровавом побоище погибло 875 казаков, а неприятель утром насчитал 5068 трупов и большое количество раненых [145].

Ночной бой и понесенные тяжелые потери еще раз показали Н. Потоцкому не только бесполезность дальнейшего штурма укрепления осажденных, но и невозможность принудить их к капитуляции иначе, как только продолжительной осадой. Но в шляхетском лагере положение было напряженное: уход многих панских хоругвей, острый недостаток продовольствия и невозможность пополнить его запасы в связи с неурожаем, большое количество раненых и больных — все это заставило польного гетмана думать не о дальнейшей осаде, а проявить инициативу в вопросе о немедленном заключении перемирия.

Осажденные, будучи отрезаны со всех сторон, нуждались не столько в людях, сколько в продовольствии. Приход Филоненко не улучшил заметно их продовольственного положения. По этой причине они пошли навстречу предложению Потоцкого о перемирии [146].

Переговоры о перемирии, заключенном 28 июля (ст. ст.), вели уже другие представители старшины — Роман Пешта, Иван Боярин и Василь Сакун.

Согласно условиям перемирия, осажденные и осаждавшие отошли в

[143] Окольский утверждает, что у Филоненко было 2000 человек, а Величко называет цифру в 5000 человек.

[144] Мемуары, вып. II, стр. 260. Следует отметить, что П. Кулиш в упомянутой его статье и Н. И. Костомаров в «Богдане Хмельницком» и других работах описывают эпизод с Филоненко дословно по дневнику Окольского.

[145] Летопись событий..., т. IV, стр. 263.

[146] Величко утверждает, что в ночь перед перемирием Гуня и Филоненко с небольшим отрядом (по некоторым данным, в 300 человек) ушли в Слободскую Украину. Тем самым, говорит летописец, Гуня «унесл свою молодецкую голову от караня лядского, прити на него мевшого» (Летопись событий..., т. IV, стр. 293). См. также донесение коронного гетмана С. Конецпольского королю Владиславу IV от 19 сентября 1639 г. о переселении Гуни и других на территорию Русского государства (сб. документов «Україна перед визвольною війною 1648—1654 рр.», № 98). Известно, что летом 1640 г. Гуня возглавил морской поход донских казаков (см. Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 188).

разные стороны. Крестьянско-казацкое войско категорически отказалось признать «Ординацию» 1638 г., и Потоцкий обещал ее не вводить. Однако Потоцкий потребовал от осажденных выдачи артиллерии, принесения присяги в покорности, признания его, Потоцкого, гетманом, а полковниками — тех, кого он назначит, избрания Корсуня местом примирения с реестровыми и созыва общей рады 9 сентября. Поскольку восставшие решили послать делегацию в Варшаву к королю, то условились, что до ее возвращения должен быть составлен казацкий реестр, а по возвращении делегации казаки обязались сдать в Масловом Ставе пушки, булаву, бунчук, знамена и бубны комиссарам и полковникам, которые будут назначены Потоцким.

Осажденные казаки и крестьяне должны были принести на Старце отдельные присяги. В присяге казаков, кроме обещания верности и преданности, а также полного подчинения пану гетману и новым полковникам, было сказано: «Тех, которые не были наравне с нами в реестре, но пришли к нам из помещичьих имений, удаляем от себя и впредь обещаем не принимать».

При заключении перемирия старшине трудно было на глазах внушительного крестьянско-казацкого войска идти на прямое предательство интересов массы казаков. Поэтому послы просили оставить казаков «при давних вольностях»; не чинить женам и вдовам старинных казаков притеснений; удовлетворить ходатайство терехтемирских монахов и вернуть им их владения и монастырскую казну, захваченную Ильяшом; не запрещать казакам выходить в степи для звериной охоты и на реки для ловли рыбы [147].

Через два дня после заключения перемирия осажденные начали разъезжаться по домам. Войска Потоцкого выступили к местам новой дислокации, сам гетман уехал в Нежин, а оттуда — в Киев. Однако это не означало конца восстания. В ряде мест вспыхнули новые восстания уже после заключения перемирия. Восстание охватило всю Роменщину. Восставшие разгромили шляхетский замок и убили много шляхтичей. Потоцкому пришлось спешно выслать в Роменщину наемную немецкую пехоту. Последняя встретила ожесточенный отпор со стороны роменских крестьян, укрепивших свой лагерь на Суле. Подобные восстания имели место в Гадяче, Звенигородке и в других местах. Однако казацкая старшина нанесла повстанцам удар в спину и пошла на соглашение с магнатами и шляхтой. Каневский полковник Иван Иванович Боярин возглавил карательную экспедицию реестровых против Гадяча, ставившую себе целью найти и казнить «зачинщика бунта», а «остальных привести к должному послушанию».

На Киевской раде 9 сентября старшина предательски капитулировала перед Потоцким, фактически признав «Ординацию» 1638 г. Введение «Ординации» состоялось на раде 4 декабря 1638 г. в урочище Маслов Став (Киевщина). Самойло Величко подчеркивает, что и без того тяжелое положение народных масс еще более обострилось после рады в Маслове Ставе, где «целком уже славу, честь и заслуги войска запорозского изпразнили били и уничтожили, а народ малоросийский посполитой и шляхетний себе поработили и незноснии бедстви обложили» [148].

Последовавшее после восстания 1637—1638 гг. десятилетие было временем, когда на Украине, как говорит Величко, «от ляхов злобние беди и крайние разорения... делатись не переставали». Но это время было также периодом агонии польского господства на Украине.

[147] Мемуары, вып. II, стр. 264—268.
[148] Летопись событий..., т. IV, стр. 292.

Польские дворянско-буржуазные историки называли это десятилетие «золотым покоем», а их украинские собратья твердили, что «в это десятилетие Украина заглохла», а «народ безмолвно преклонил голову». Подобное утверждение есть прямая фальсификация истории. Борьба украинского народа против феодалов и феодального гнета, за освобождение от иноземного ига и воссоединение с братским русским народом не прекращалась и после подавления восстания 1637—1638 гг.

Десятилетие, предшествовавшее Освободительной войне, было временем самого жестокого крепостнического гнета, отягощения крестьян и мещан непомерными повинностями и поборами, беззастенчивого грабежа трудящихся масс [149]. На защиту интересов панов и шляхты выступало королевское правительство, выдавая панам универсалы и охранные листы и требуя от крестьян выполнения феодальных повинностей, прекращения побегов и беспрекословного подчинения господам [150]. В то же время усилились религиозные гонения.

Борьба народных масс Украины в это время не затухала, а приняла более локальный характер. Доведенные до отчаяния крестьяне и мещане отказывались от выполнения феодальных повинностей, убегали с насиженных мест, поднимались против панов, но эти выступления оставались разрозненными. Так, в сентябре 1639 г. выступили против своих феодалов крестьяне дер. Ольховцы, в июне 1640 г.— крестьяне дер. Ляшки, в июле 1641 г.— крестьяне дер. Луково, совершившие вместе с жителями Карпатских гор нападение на имения шляхтича Шеплинского. В апреле 1640 г. отмечено выступление мещан местечка Коростышево Житомирского повета; в начале 1643 г. крестьяне с. Хотинец убили войта, принуждавшего их выполнять барщину; в мае 1643 г. жители местечка Калуш совершили нападение на Подгорецкое имение шляхтича Скульмовского; в августе 1643 г. имело место выступление крестьян Яна Замойского и жителей гор. Котельни, в марте 1644 г.— крепостных Адама Киселя, участвовавших в восстании 1637—1638 гг. и возвращенных затем помещику, в октябре и ноябре 1646 г.— крестьян с. Сторожево и мещан гор. Снятыня и его окрестностей [151].

Широко распространенной формой протеста казаков и посполитых было переселение в пределы Русского государства, где они находили спасение от иноземного гнета. Источники указывают, что с 1638 г. и до Освободительной войны на территорию России переселилось свыше 20 тыс. украинцев [152], которые были хорошо устроены на новых местах. Переселенцы с Украины сыграли большую роль в экономическом развитии южных районов пограничной полосы Русского государства и в обороне этой территории от нападений разбойничьих орд крымских ханов. Вместе с тем широкое переселение украинцев в русские пределы способствовало более тесному сближению народных масс России и Украины, усилило стремление украинского народа к воссоединению с братским русским народом в едином государстве.

Рост потока переселенцев в Россию накануне Освободительной войны 1648—1654 гг. был проявлением крайнего обострения классовых, экономических и политических противоречий на Украине. Основные политические противоречия между Украиной и шляхетской Польшей определя-

---

[149] Воссоединение Украины с Россией, т. I, №№ 183—185, 210, 214, 234, 236, 242, 277, 280 и др.

[150] Там же, №№ 187, 218, 232, 262, 266.

[151] Там же, №№ 175, 187, 213, 215, 218, 220, 222, 264, 265; сб. «Україна перед визвольною війною», № 1, 15, 17 и др.

[152] Там же, №№ 113, 118, 119, 122, 124, 125, 167, 187—189, 197, 203, 253 и др.

лись социальными противоречиями между украинским крестьянством и польскими панами. Поэтому крестьянство представляло собой основную движущую силу Освободительной войны украинского народа.

Господство польских панов на Украине, проводившаяся ими политика грубого насилия, жестокой эксплуатации и религиозных гонений глубоко затрагивали коренные экономические и политические интересы не только крестьянства, но и мещанства, казачества, православного духовенства и даже мелкой украинской шляхты. Недовольство различных классов и общественных групп польско-шляхетским гнетом непрерывно возрастало. Украинский народ был поставлен перед исторической необходимостью подняться на вооруженную борьбу за освобождение Украины от иноземного гнета и за воссоединение с братским русским народом в едином государстве.

* * *

Крестьянско-казацкое восстание 1637—1638 гг. занимает одно из важнейших мест в истории освободительной борьбы украинского народа против магнатско-шляхетского господства, против иноземных захватчиков. По своему размаху, по участию в нем широчайших масс поспольства и казачества оно было наиболее крупным из всех крестьянско-казацких восстаний конца XVI в. и первой половины XVII в.

Движущей силой этого восстания, как и всех предыдущих и последующих, было крестьянство. Именно этим объясняются многочисленность повстанческих отрядов и длительность восстания. Важнейшую роль в восстании играло нереестровое (запорожское) казачество. В этом восстании особенно тесно переплетались действия крестьян и нереестровых. На большой территории действовали многочисленные крестьянские и смешанные крестьянско-казацкие отряды. Ни в одном восстании на Украине до 1637 г. не участвовали такие крупные повстанческие крестьянские отряды, как отряд сотника Кизима, в котором насчитывалось более 4000 человек, не было таких единодушных выступлений, как в Роменском повете, где в 1637 и 1638 гг. дважды поднялись на борьбу свыше 10 000 крестьян.

Причиной восстания 1637—1638 гг., как и предыдущих, был все усиливавшийся с конца XVI в. феодальный и национально-религиозный гнет иноземных захватчиков. Причины восстания определили его характер: оно носило антифеодальный и освободительный характер. Усиление феодального гнета вело к обострению классовой борьбы, к росту противоречий между украинскими и польскими феодалами, с одной стороны, крепостными, мещанами и казачеством — с другой.

Нельзя, конечно, согласиться с польскими мемуаристами — современниками рассматриваемых восстаний и позднейшими польскими и украинскими дворянскими и буржуазно-националистическими историками, утверждавшими, что главными противоречиями на Украине были религиозные и национальные [153] и что именно это обстоятельство определило характер восстаний украинского народа против польских и украинских феодалов. Решающим и определяющим моментом во всех восстаниях этого периода была классовая борьба. Борьба против иноземных захватчиков и их агентуры на Украине, борьба против национального гнета, против католичества и унии, против стремления окатоличить и ополячить украинский народ была борьбой за освобождение от чужеземного гне-

[153] Например, М. Грушевский, признавая наличие на Украине социальных и политических «кривд», утверждает, что «на самом деле все конфликты сводились к национальному синтезу» (М. Грушевський. Історія України-Русі, т. VIII, ч. 2, Київ, 1916, стр. 444).

та, за национальную независимость. Все это, обостряя и усиливая классовую борьбу, несомненно, придавало больше силы, размаха и массовости народным восстаниям конца XVI в. и первой половины XVII в., в которых участвовали широчайшие трудящиеся массы не только Украины, но и Белоруссии.

Национально-религиозные моменты и активное участие такой боевой силы, как казачество, отличали крестьянско-казацкие восстания на Украине рассматриваемого периода от крестьянских восстаний в других странах (Русское государство, Польша). Но этим восстаниям при всем их своеобразии были свойственны черты, присущие всем крестьянским восстаниям. Отсутствовало единое руководство движением. На территории, охваченной восстанием, действовали многочисленные отряды, не подчиненные руководителю восстания, воевавшие независимо от стратегического плана, от нужд и требований главных сил восстания. В начале восстания 1638 г., например, несколько отрядов запорожских казаков захватили Ржищев, Триполье и другие населенные пункты вокруг Киева, а Киев, представлявший собой важнейшую ключевую позицию, не был взят, хотя для этого была полная возможность. Когда польская армия осаждала повстанцев на Старце, она испытывала недостаток в артиллерии. Пушки же, которые привез с собой Н. Потоцкий, проделали опасный рейс от Киева до Старца под небольшой охраной и не подверглись нападению, хотя на этом пути действовало немало больших и малых повстанческих отрядов.

Крестьянско-казацкие восстания на Украине конца XVI в. и первой половины XVII в. имели большое прогрессивное значение, расшатывали феодальные устои, подготовили Освободительную войну 1648—1654 гг., приведшую к освобождению значительной части Украины от чужеземного гнета, препятствовали расширению панской агрессии на восток и подтачивали силы агрессивной Речи Посполитой.

Как известно, в течение нескольких столетий господствующие круги феодально-крепостнической Польши вели агрессивную, захватническую политику по отношению к своим восточным соседям — русскому, украинскому и белорусскому народам, в результате чего взаимоотношения между Польшей и этими народами «изобиловали элементами взаимной отчуждённости, недружелюбия и нередко открытых военных конфликтов» [154]. Агрессивная восточная политика правящей магнатской клики Польши вызвала решительный отпор со стороны русского, украинского и белорусского народов, приведший к сокрушению былой мощи панской Польши и краху ее восточной политики.

В ходе совместной борьбы усилилось тяготение народных масс Украины к братскому русскому народу. Только самое тесное единение с русским народом могло спасти Украину от поглощения ее панской Польшей и султанской Турцией.

Историческое значение восстания 1637—1638 гг. заключается не только в его размахе и длительности, но и в том, что оно было кануном, предвестником, важнейшим этапом в подготовке и развязывании Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг., завершившейся воссоединением Украины с Русским государством.

---

[154] И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5-е. М., 1950, стр. 182.